

БЫВШИЙ, СЪЕЗЖАЙ ИЗ МОЕГО ДОМА

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬИЕВ

Александр Витальев

Бывший, съезжай из моего дома

«Автор»

2026

Витальев А.

Бывший, съезжай из моего дома / А. Витальев — «Автор», 2026

Три года назад Елизавета ушла от мужа, который решал все молча: долги, ремонт, чужие счета. Теперь тетя оставила ей половину старого дома с мастерской на набережной, и выясняется, что вторую половину через цепочку сделок держит Максим - тот самый бывший, который спас долю тети от банка и не сказал жене ни слова. Продать дом по отдельности нельзя, девелопер предлагает обоим большие деньги за снос, а зимой в доме рушится крыша и отключается отопление. Лиза приезжает превращать наследство в общественный центр ремесел, но соседство, общая кровля, муниципальная комиссия и поддельный акт аварийности заставляют бывших выбирать не между собой, а между удобной сделкой и правдой. Вопрос в том, готов ли человек, привыкший доказывать любовь поступками без объяснений, наконец произнести вслух то, что три года держал в себе, и согласится ли она снова жить под одной крышей с человеком, который однажды уже выбрал за нее.

Содержание

Глава 1. Второй собственник	5
Глава 2. Съезжай из моего дома	12
Глава 3. Граница по лестнице	21
Глава 4. Первая общая стена	28
Глава 5. Предложение девелопера	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Витальев

БЫВШИЙ, съезжай из моего дома

Глава 1. Второй собственник

Письмо лежало на столе не там, где я его оставляла. Белый лист, сгиб пополам, без конверта, без имени. Я провела пальцем по краю, и во рту сразу пересохло. Три года назад в этом доме уже лежало такое письмо, только не на столе, а под подушкой, и подпись внизу была чужая. Сейчас чужого запаха не было — только мокрая штукатурка и холодная плитка у порога.

Я развернула листок. Нотариус Громова извещала: после смерти тети Зои Тарасовны наследство открыто и состоит из одной второй доли старого дома на набережной. Второй собственник указан отдельно. Я перечитала строчку дважды — с первого раза не получилось. Максим Руднев. Мой бывший муж. Тот самый, с которым я развелась три года назад из-за того, что он молча выкупил долю тети у банка, не сказал мне и решил, что так меня спасает.

Телефон в кармане завибрировал. Номер мой собственный, который я ему так и не заблокировала, и это сейчас была моя маленькая подлая трусость. Я сняла трубку, хотя обещала себе этого не делать.

— Я у нотариуса, — сказала я первая, потому что его длинные паузы я больше не выносила. — Ты знаешь про дом.

Тишина была ровно той длины, которую я научилась ненавидеть.

— Еду, — ответил он. Голос низкий, спокойный, как у человека, который давно принял решение, но вслух не сказал. — Не входи одна.

Я повесила трубку, не попрощавшись. По-детски, но у меня не было сил разыгрывать взрослую вежливость. Дом стоял за мной, темный после похорон, и мне нужно было войти туда первой, чтобы он не занял порог раньше меня.

Ключ с биркой «мастерская» лежал в ридикюле тети. Бирка стертая, но буквы я узнала пальцами. Замок на входной двери не сразу поддался — кто-то сменил личинку. Я подергала ручку и вспомнила: тетя в последний год плохо видела и плохо слышала, но про замки говорила, что все в порядке. Я знала, чья это работа.

Дверь открылась внутрь, в темную прихожую, пахнущую пылью и старым деревом. Я прошла по знакомому скрипу половиц, зажгла свет в коридоре и увидела на тумбочке у зеркала второй ключ. Бирка новая, плотная, с подписью от руки «верх». Почерк я узнала. У меня в животе что-то тяжело сжалось, будто я проглотила камень.

— Лиз, — сказал он за моей спиной.

Я обернулась. Он стоял на пороге, не заходя внутрь, и смотрел на меня так, как смотрел всегда, когда делал что-то за меня: спокойно, с тенью вины и без извинений. Куртка расстегнута, под ней темный свитер, руки опущены вдоль тела, чтобы я не подумала, что он полезет обнимать.

— Ты сменил замок, — сказала я.

— Тетя попросила, — ответил он. — Я установил личинку под два ключа. У нее и у меня. Ее ключ остался в ридикюле, мой у меня. Ты вошла своим.

Я знала это. Почувствовала в ту секунду, когда повернула ключ. От того, что он не соврал и не стал объяснять, как меня защищал, мне стало хуже. Он сделал все правильно, и я не могла быть злой так, как мне было нужно для спокойной жизни.

— Мы теперь соседи, — сказала я вслух, потому что иначе потом будет поздно. — Половина твоя, половина моя. Я въезжаю на первый этаж. Ты на второй. Лестница общая, вход один.

Если хочешь, я буду запираю изнутри на ночь, ты поднимаешься по звонку, иначе нарушается пожарная инструкция. Завтра я вызову оценщика. Послезавтра подаю документы на раздел комнат. Это не обсуждается.

Он чуть наклонил голову — так делал всегда, когда соглашался молча.

— Хорошо, — сказал он.

Я протянула ему руку. Он посмотрел на мою ладонь секунду, потом вложил в нее свой ключ. Тяжелый, теплый от его кармана. Я сжала пальцы. Мне нужно было почувствовать этот ключ, чтобы поверить: вторая половина дома теперь существует отдельно от него.

Я положила его ключ на тумбочку у зеркала рядом с биркой «верх». Два ключа легли рядом и не слиплись, как не слиплись за эти годы мы.

Мне нужно было занять первый этаж до темноты. Если я войду в мастерскую только завтра утром, там уже будут его вещи: свернутые шланги, ящик с инструментами, телогрейка на спинке стула. Он всегда оставлял свои вещи первыми, а потом спрашивал разрешения. Три года назад он так же оставил куртку у нашей двери, а через месяц оказалось, что она живет там постоянно.

Я включила фонарь на телефоне и пошла по коридору. Половицы под ногами пели по-разному: одна скрипела слева, другая справа. Я помнила их все по именам, которые мы с тетей придумывали в детстве. Тетя называла их Ася и Дуня, я добавляла третью — Маня. Сейчас я шла по их голосам, и у меня дрожали пальцы.

В мастерской было холоднее, чем в коридоре. Печь у стены, заложённая кирпичом наполовину. Я опустилась на корточки и положила ладонь на кирпич. Холодный, но сухой. Значит, труба цела. У меня есть шанс разжечь самой, если найду дрова.

У стены лежала стопка старых газет, перевязанная бечевкой. Тетя заворачивала в них сухие листья для растопки. Я разорвала газету, на меня посыпалась пыль с запахом типографской краски и старой бумаги. Я моргнула, чтобы не заплакать, и стала складывать листья в печь.

Спички нашлись на полке у окна, в жестяной коробке с этикеткой «Спички». Я чиркнула. Газета занялась сразу, листья затрещали. В мастерской стало чуть теплее — обманчиво: печь была сложена неправильно, тяга шла в трубу, а не в комнату. Я привстала, заглянула в топку. Задвижка стояла в положении «лето», закрытая наглухо.

Я потянула задвижку рукой. Не поддавалась. Потянула сильнее. Дрогнула, но не пошла. Кто-то приклеил ее на бумагу, а сверху положил слой штукатурки. Я поняла, чья это работа, и у меня перехватило дыхание. Он закрыл печь на лето, когда меня еще не было в городе, и не открыл к зиме: не собирался в ней жить. Собирался жить наверху, у тети, и топить ее камин.

Я выпрямилась, положила спички на стол.

— Лиза, — сказал он из коридора.

Я не обернулась. Стояла спиной к двери и смотрела на печь.

— Закрой, — ответила я.

— Дым пойдет в комнату, — сказал он. — Труба забита сверху, я хотел посмотреть утром.

— Ты закрыл задвижку, — сказала я, и в голосе было столько спокойствия, что мне самой стало страшно. — Ты ее заклеил. Чтобы я не смогла разжечь.

Он вошел. Я услышала, как остановился за моей спиной.

— Я заклеил в июне, — сказал он. — Тетя просила не топить без нее. У нее было больное сердце.

— У нее было больное сердце, — повторила я. — А у меня сейчас сломан дом, полная печь штукатурки и повестка от оценщика на завтра. Я не могу ждать, пока ты согласишься трубу утром. Мне нужно сегодня занять первый этаж. У меня нет другого жилья, Максим.

Имя я произнесла так, будто положила его на стол. Я сказала ему «ты», и это прозвучало как разрешение, но я знала, что это усталость. У меня не было сил на «Максим Руднев».

Он молчал. Я слышала, как он дышит — ровно, осторожно.

— Дай мне десять минут, — сказал он наконец. — Я открою задвижку и проверю трубу. Если дым пойдет, ты не будешь здесь ночевать.

— Я буду здесь ночевать, — сказала я. — У меня нет другого жилья. Я уже сняла квартиру, но залог внесу только послезавтра.

Он кашлянул. Старый кашель, когда он не знал, что ответить.

— Я могу переночевать в машине, — сказал он.

— Нет, — сказала я. — Я не буду должна тебе еще и это. Я не буду должна тебе крышу, печь и ночлег. Я буду должна только половину дома и оценку. Все.

Он подошел к печи. Я отошла. Он опустил на корточки, достал из кармана перочинный нож и стал аккуратно отколупывать штукатурку. Я посмотрела на его руки — широкие, с темными пятнами от старых ожогов, с обломанным ногтем на мизинце. Я знала эти руки. Я помнила, как они чинили кран на кухне и как лежали у меня на плече, когда я засыпала. Я отвернулась.

— Дрова есть на улице, под навесом, — сказала я. — Я видела еще летом.

— Пойду принесу, — сказал он и встал.

— Не уходи, — сказала я и сама удивилась, как это прозвучало. — Я принесу. Ты открывай задвижку. Договорились.

Он посмотрел на меня. У него в глазах было что-то, что я не хотела видеть.

— Хорошо, — сказал он.

Я накинула куртку и вышла на крыльцо. Под навесом лежали березовые поленья, аккуратно сложенные. Он их сложил. Для тети, потому что тетя не могла. Я взяла три полена, прижала к груди и пошла обратно. В мастерской уже пахло дымом. Он открыл задвижку и раздул угли, в комнате теплело. Я положила поленья у печи и встала.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — сказал он.

Я села на старый стул у стола. У меня дрожали колени. Не от холода, а от того, что он сидел на корточках у моей печи и чинил ее, как чинил наш кран три года назад. Я сжала руки в замок, чтобы он не увидел.

— Утром я вызову оценщика, — повторила я. — Послезавтра подаю документы на раздел. Сегодня я ложусь здесь. Завтра я забираю ключи от своей половины.

Он встал, отряхнул колени.

— Я оставлю ключ у двери, — сказал он. — Если что-то понадобится — постучи.

Я кивнула. Он вышел. Я слышала, как он поднимается по лестнице, как скрипит ступенька, которую он обещал починить в прошлом году.

Я осталась одна в мастерской. Печь гудела, дрова трещали, за окном начиналась метель. Я подошла к столу, на котором лежала старая тетрадь тети в кожаном переплете. На обложке: «Дом на набережной. Записи». Я открыла первую страницу. Почерк тети, круглый, с наклоном: «Половина — мне, половина — племяннице. Если Максим захочет, пусть берет, но только с ее согласия».

Я закрыла тетрадь. В горле стоял комок. Положила тетрадь в сумку, натянула куртку до подбородка и легла на старый диван у стены, подложив под голову свернутый свитер. За стеной, наверху, ходил человек. Я не буду ему должна. Я буду должна только половину дома и оценку. Все.

Утром я встану раньше него и уйду к нотариусу, пока он еще спит.

Я проснулась от того, что по крыше бил мокрый снег, и первые секунды не могла понять, где нахожусь. Потом увидела печь, стол, тетрадь тети в сумке у дивана и вспомнила: я в мастерской, в доме, где у меня половина, а у него вторая, и между нами общая крыша и труба, которую он обещал посмотреть утром.

Шесть тридцать две. Наверху тихо. Если он еще спит, я успею к нотариусу до того, как спустится и снова начнет решать за меня, что делать с моей долей.

Я натянула сапоги, набросила куртку и тихо вышла на крыльцо. Снег лежал на ступеньках ровным слоем, без следов. Значит, он не выходил. Я спустилась, обогнула угол дома и пошла к калитке.

У калитки стояла незнакомая темно-серая машина с местными номерами. На переднем сиденье кто-то пил кофе из стаканчика. Дверь открылась, и вышла женщина в светлом пальто и сапогах на каблуке, которые не подходили ни к снегу, ни к этой набережной.

— Елизавета Андреевна? — спросила она и улыбнулась так, как улыбаются люди, привыкшие получать то, за чем пришли. — Дарья Никонова, «Стройинвест». Можно на пять минут?

Я остановилась. Ветер с набережной бросил мне в лицо горсть мокрого снега.

— Я тороплюсь, — сказала я.

— Я знаю, — сказала она. — К нотариусу. Подожду, сколько нужно. Дело не к нотариусу, дело к вам. Я предлагаю деньги за вашу долю. Сумма, которая закроет и ремонт, и съемную квартиру, и адвоката, если он вам понадобится. С условием: снос. У меня предварительное согласование от муниципалитета, дом признан аварийным. У меня есть акт.

Она говорила ровно, без нажима, и от этого было хуже. У меня похолодели пальцы, хотя я стояла в перчатках.

— Откуда вы знаете, что я к нотариусу? — спросила я.

— У меня свои источники, — сказала она и достала из сумки тонкую папку. — Здесь проект договора. Не обязательно сегодня. Почитайте, обсудите с Максимом Андреевичем, он в курсе, я с ним уже говорила.

У меня сжалось горло.

— С Максимом Андреевичем вы уже говорили, — повторила я.

— Вчера вечером, — сказала она. — Он сказал, что решение за вами. Что без вашей подписи он не пойдет. Это меня и привело к вам. Я уважаю, когда люди не продают чужое.

Я взяла папку. Она была легкая, почти невесомая, от нее пахло свежей бумагой и чужими духами.

— Я прочитаю, — сказала я.

— Конечно, — сказала Дарья. — Только учтите: акт аварийности действует шестьдесят дней. Потом муниципалитет может и передумать. Шестьдесят дней, Елизавета Андреевна.

Она улыбнулась, села в машину и уехала. Я осталась у калитки с папкой в руках. Снег падал мне на плечи, на ресницы, на папку, и я никак не могла сдвинуться с места.

Потом развернулась и пошла обратно к дому. Не к нотариусу. В мастерскую. Мне нужно было посмотреть этот акт своими глазами, прежде чем что-либо решать. Я поднялась на крыльцо, толкнула дверь и услышала, что наверху скрипнула половица.

— Лиза? — сказал он сверху. — Это ты?

Я не ответила. Вошла в мастерскую, закрыла дверь на щеколду и положила папку на стол. Сняла куртку, стряхнула с нее снег, села читать.

Акт был на двух листах, с печатью управляющей компании «Стройинвест-сервис» и подписью инженера Борисова. Подпись была не его — я знала почерк Максима. Дата в акте стояла ноябрьская, хотя нотариус вчера сказала, что дом на учете с весны и никаких актов до декабря не поступало.

Я открыла тетрадь тети, нашла вкладку с адресами и телефонами. Борисов Петр Сергеевич, инженер по эксплуатации, дом шесть по соседней улице. Я набрала номер. Гудки шли долго. Трубку сняла женщина и сказала, что Петр Сергеевич умер два года назад в марте, и попросила больше не звонить.

Я положила трубку. У меня тряслись руки, и я не могла это контролировать. Семь ноль пять. Наверху ходил человек. Он знал. Он вчера разговаривал с этой женщиной и ничего мне не сказал. Опять решил за меня, что мне можно не знать.

Я встала, подошла к лестнице и крикнула:

— Спустись. Мне нужен ключ от подвала. Сейчас.

Шаги остановились. Потом он спустился. Без куртки, в свитере, с чашкой чая, как будто ничего не случилось. Посмотрел на меня, потом на папку на столе, и я увидела, как дрогнул мускул у него на челюсти.

— Она приехала рано, — сказал он.

— Ты знал, что акт поддельный, — сказала я. — Или не знал? Ты вообще вчера смотрел, что она тебе привезла?

Он поставил чашку на подоконник.

— Я знал, что акт есть, — сказал он. — Я не знал, что он поддельный. Я хотел тебе сказать за завтраком.

— За завтраком, — повторила я. — За завтраком ты собирался сказать мне, что мою половину дома оценили под снос по акту мертвого инженера, и женщина, которая его привезла, уже стоит у моей калитки в шесть тридцать утра. За завтраком.

Он молчал. Я видела, как сжалась его челюсть, как побелели костяшки пальцев на руке, лежавшей на перилах.

— Я не хотел, чтобы ты встречалась с ней одна, — сказал он наконец. — Я хотел пойти с тобой. К нотариусу. Потом к ней.

— Ты не хотел, — сказала я. — Ты не хотел, чтобы я решала сама. Не хотел, чтобы я знала раньше тебя. Не хотел, чтобы я увидела этот акт без тебя, без твоих объяснений, без твоего чая.

Он отвел глаза.

— Ключ от подвала, — сказала я. — Дай мне ключ от подвала.

Он полез в карман, достал связку и снял с нее маленький ключ на проволочном кольце. Положил на ступеньку передо мной, не на мою руку, чтобы я взяла сама. Я взяла. Ключ был холодный и тяжелый, и у меня зашипило в глазах.

— Я подаю заявление в полицию, — сказала я. — Сегодня. До обеда. Без тебя.

Он кивнул.

— Я знаю, — сказал он.

Я развернулась и пошла к двери. У порога остановилась и не обернулась.

— К нотариусу я тоже пойду сама, — сказала я. — И к адвокату. И в комиссию. Все бумаги я буду подавать сама. Если хочешь быть в курсе, оставляю копии на столе. Если не хочешь — не оставляю.

Я вышла, хлопнув дверью. Снег валил гуще, я щурилась, идя к калитке. Я не плакала. У меня не было на это времени. У меня было шестьдесят дней, мертвый инженер и акт, который я положила в сумку.

Впереди был нотариус, адвокат и комиссия. За спиной — дом, в котором наверху стоял человек с чашкой остывшего чая. Я не обернулась. Я шла быстро, и снег хрустел у меня под ногами, как сухие листья.

Тропинка от калитки до остановки занимала семь минут пешком. Я знала это точно, потому что ходила по ней с шести лет, и тетя засекала время на старых наручных часах с треснувшим стеклом. Теперь часы лежали в моей сумке, под папкой с актом и под ключом от подвала, который я переложила в карман: оттягивал руку, мешал идти быстро.

Автобус пришел через двенадцать минут. Я встала у задней двери и смотрела в окно. Дом остался за поворотом. Я поймала себя на том, что оборачиваюсь, хотя обещала себе не оборачиваться. В окне второго этажа горел свет. Значит, он не ушел. Стоял там и смотрел, как я ухожу, и думал, что я не вижу. Я видела.

Я достала телефон и набрала Ольгу Леонидовну. Она сняла трубку с третьего гудка, голос ровный, рабочий.

— Я в курсе, — сказала она вместо приветствия. — Мне уже звонили. Заедь ко мне до нотариуса, я подготовлю запрос. У меня есть тридцать минут до суда.

— Я еду в адвокатский офис, — сказала я. — Буду через сорок минут.

— Хорошо, — сказала она. — Только не на метро, Лиза. У тебя в сумке документ, который уже пытались использовать. Доехала на такси, поняла?

— Поняла, — сказала я и сбросила вызов.

Я вышла на следующей остановке и взяла машину через приложение. Водитель был немолодой, с усталыми глазами, и он не стал разговаривать, за что я была ему благодарна. По радио бубнили новости про погоду, и я закрыла глаза и попыталась думать.

Думать не получалось. В голове крутилось одно и то же: мертвый инженер, подпись, которой не могло быть, дата, которой не могло быть, и человек наверху с чашкой чая, который знал вчера вечером и молчал всю ночь. Я открыла сумку и еще раз посмотрела на акт. Борисов П.С. Я перевернула страницу. На второй стояла резолюция Тимура Валентиновича Гранина: «Согласовано, председатель собрания, дата, подпись». Я узнала его почерк — сухой, с наклоном влево, с характерной буквой «д» без хвостика. Тимур Валентинович подписал акт аварийности. Не глядя, или проверив и не заметив подмены. И это меняло все.

Офис Ольги Леонидовны был в старом особняке на Малой Грузинской, второй этаж, лестница с латунными перилами. Она встретила меня в коридоре, забрала сумку, повела в свой кабинет и закрыла дверь на ключ. На столе у нее уже лежала распечатка выписки из ЕГРН по нашему дому, две справки из муниципалитета и чистый бланк заявления в полицию.

— Садись, — сказала она. — Кофе будешь?

— Буду, — сказала я.

Она налила кофе из старого термоса, поставила передо мной чашку и села напротив. Потом посмотрела мне в глаза и сказала:

— Скажи мне честно. Ты готова идти до конца? Потому что если ты подашь заявление в полицию, обратной дороги не будет. Дарья Никонова не просто девелопер. У нее есть выход на людей, которые умеют делать так, чтобы дела тянулись годами. Ты готова к тому, что следующие два года проведешь в судах, на комиссиях и в очереди в полиции?

Я отпила кофе. Он был горький и слишком крепкий.

— Я не могу не подать, — сказала я. — Если я промолчу, через шестьдесят дней дом снесут. В этом доме жила моя тетя тридцать два года. И в этом доме сейчас стоит человек, который думает, что молчание — это тоже форма заботы.

Ольга Леонидовна кивнула. Она открыла мой паспорт, переписала данные и начала заполнять бланк.

— Тогда пишем заявление о подделке документа, — сказала она. — Параллельно готовим запрос в управляющую компанию «Стройинвест-сервис» с требованием предоставить оригинал акта и копию трудовой книжки инженера Борисова. И отдельно жалобу на имя начальника отдела охраны памятников на незаконное согласование акта аварийности по объекту, стоящему на учете. Три хода. Каждый блокирует сделку минимум на две недели.

— А нотариус? — спросила я.

— К нотариусу мы идем вместе, — сказала она. — Сейчас допьем кофе, я переоденусь, и поедем. Я хочу, чтобы ты увидела выписку ЕГРН своими глазами и услышала от нотариуса то, что он тебе скажет, когда я буду стоять рядом.

Я допила кофе и поставила чашку на стол.

— Ольга Леонидовна, — сказала я, — а Максим?

Она посмотрела на меня поверх очков.

— А Максим пусть сидит наверху и пьет свой чай, — сказала она. — Он у тебя всю жизнь пьет чай, пока ты бегаешь по городу и собираешь бумаги. Пусть теперь посидит и подождет, пока ты вернешься с ключом, которого у него нет.

Я кивнула. У меня в кармане лежал ключ от подвала. В сумке — акт на двух листах с резолюцией Тимура. В голове шестьдесят дней, которые начали отсчитывать минуту назад. И где-то на набережной в доме с двумя хозяевами горел свет на втором этаже, и я знала, что этот свет не погаснет, пока я не вернусь. Но я вернусь не к нему. Я вернусь к своему столу, к своим чертежам и к своей двери, которую я теперь могу запереть изнутри.

Я встала.

Глава 2. Съезжай из моего дома

Ступень скрипнула под коленом ровно на том месте, где я остановилась. Холодный сквозняк облизал запястье. Внизу, у самой двери подвала, темнел край отставшей штукатурки. Еще вчера здесь можно было просунуть ладонь, а сегодня щель сузилась: Максим все же принес цемент и забил ее доской, хотя я не просила.

Я достала блокнот, рулетку и малярную ленту. До прихода нотариуса оставалось меньше часа. Нужно было зафиксировать, где проходит граница моей половины, где остается общая лестница и куда ведет ключ с биркой «верх». Потом этот спор растворится в юридических формулировках, а мне нужны были не слова. Мне нужны были метры, двери, вентили и понятный порядок, при котором никто не войдет ко мне без стука.

Я присела и приклеила первую синюю метку на нижнюю балясину.

— Ты опять за свое?

Я выпрямилась. Максим стоял внизу, в куртке поверх темной рубашки. Он приехал к дому к половине девятого, как мы договорились после вчерашнего разговора, и все утро ждал у ворот. Я сама велела ему не подниматься без предупреждения. Он позвонил один раз, спросил разрешения и только потом переступил порог.

— До нотариуса двадцать минут, — сказала я. — Нужно отметить границу.

— Она пройдет не по перилам.

— Тогда объясни, где.

Максим поднялся до площадки и остановился за чертой, которую я успела наметить.

— Лестница общая. Комната над кухней моя. Мастерская и комната с видом на набережную твои. Чердак, кухня, ванная и этот марш остаются общими.

— Ключ от подвала?

— Только у тебя.

— Почему?

— Потому что ключ вручила мне тетя перед смертью.

— Тетя вручила его тебе, а мне оставила записку не отдавать дверь мастерской. Тебе не кажется, что этих фактов слишком много для простого совпадения?

Он посмотрел на мою рулетку, на синюю ленту, потом на дверь подвала.

— Я не знал о записке.

— Ты вообще редко знаешь то, что мне положено знать.

— Я знал про ключ.

— Вот именно.

Я отрезала следующую полоску. Максим не уходил.

— Нотариус приедет не для раздела комнат, — сказал он. — Мы не можем физически разделить дом пополам. Он не делится.

— Поэтому я и рисую границы. Половина в документах не равна половине жилой площади. Если мы не укажем порядок пользования, потом начнется торговля за каждый сантиметр.

— Я не торгуюсь.

— Ты уже выкупил мою долю.

— Я выкупил долю тети у банка.

— А я вступила в наследство. Разницу ты понимаешь, но продолжаешь обращаться со мной как с человеком, которому нужно сообщить запоздало.

Он сунул руки в карманы. Потом достал связку ключей, снял с нее два и положил на подоконник.

Ключ с биркой «мастерская» был старым, потемневшим по краям. Второй, с четкой надписью «верх», Максим сделал сам. Оба подходили к входной двери, но изнутри ее можно было запереть только после того, как дверь откроют снаружи. Вчера мы зафиксировали это устно. Сегодня должны были закрепить на бумаге.

— Это дубликаты, — сказал он.

— Зачем ты принес их сюда?

— Чтобы обменяться.

— У меня уже есть ключ от входной двери.

— Этот открывает не только вход.

— Вот поэтому я его не возьму.

Он нахмурился.

— Он твой.

— Мне не нужен ключ от твоей половины.

— Я не даю тебе права входить туда. Это запасной ключ на случай аварии.

— Авария дает тебе право решать, когда мне можно войти в собственную часть дома?

— Я не собирался им пользоваться.

— Положи обратно.

— Хорошо.

Максим вернул ключи в карман, но не убрал руку.

— Нам все равно нужно обменяться.

— Нет.

— Если ты закроешься ночью, а трубу прорвет, я не смогу войти.

— Трубу можно перекрыть снаружи.

— Ты не знаешь, где задвижка.

— Я архитектор-реставратор. Я работала в этом доме до того, как ты научился менять прокладки.

— Ты не работала здесь семь лет.

— А ты отсутствовал только вчера и уже считаешь себя единственным человеком, который знает этот дом.

Он замолчал. На лестнице стало слышно, как внизу хлопнула входная дверь. Кто-то прошел по двору, не поднявшись. Я подождала, пока стихнут шаги, и снова присела к балясине. Максим неожиданно присел рядом.

— Не клей на шпаклевку, — сказал он. — Отойдет вместе с краской.

— Тогда придержи.

Я протянула ему рулон. Он взял его, не касаясь моих пальцев. Мы вместе отмерили еще один отрезок, и я приклеила его к дереву.

— Я нашел старый план, — сказал он.

Я подняла голову.

— Какой?

— Лестницы и печи. В подвале, за коробкой с чертежами. На нем отмечена труба, о которой нет ни в одном современном акте.

— Почему ты не сказал раньше?

— Собирался отдать нотариусу.

— Опять?

— Я не прятал его от тебя.

— Ты принес его в дом без предупреждения. Это почти честное признание.

Максим сжал губы. Ему нечего было ответить.

— Покажи.

— Он наверху.

— Принеси.

Он встал и пошел к лестнице. На третьей ступени остановился.

— Я могу подняться?

— Можешь.

— В мастерскую?

— Нет.

— Я только заберу чертеж.

— Неси его сюда.

Он кивнул и ушел наверх. Я осталась на площадке, разглядывая собственные метки. Синяя лента выглядела нелепо на потертом дереве, но именно так теперь выглядела правда: ярким пятном на старой стене.

Через несколько минут он вернулся со сложенным листом.

Я развернула чертеж на подоконнике. Бумага была старой, с обтрепанными краями и едва различимыми линиями. Снизу, под печатью проектного института, кто-то карандашом подписал дату: 1956 год.

— Где ты это нашел?

— За ящиком с инструментами. Он лежал не в подвале, а в нише за лестницей. Я проверял трубу перед тем, как уйти.

— Ты уже тогда знал про дополнительную магистраль?

— Только про трубу. Остальное увидел сегодня утром.

— И молчал до моего разрешения подняться?

— Я не был уверен, что это важно.

— Важность теперь определяем я.

Он промолчал. Я провела пальцем по линии, уходившей из подвала к печи. На современном плане ее не было.

— Если здесь действительно сохранился канал, дом можно отапливать без нового котла, — сказала я.

— Не весь. Только часть первого этажа.

— Мастерской хватит.

— Сначала экспертиза.

— Я не собираюсь вскрывать стену без нее.

— Тогда я принесу мастера.

— Я сама найму мастера.

— Я могу просто дать контакт.

— Можешь. Но не звони ему вместо меня.

Максим кивнул. Я сложила чертеж и убрала его в папку.

— Подвал и мастерская мои, — сказала я. — Комната над кухней твоя. Лестница, кухня, чердак и ванная общие. Входная дверь запирается изнутри после наружного открытия. Ключи у каждого свои. Допуски к работам подписываем отдельно, каждый в своей части. Никаких действий за другого.

— Я согласен.

— И деньги.

Он напрягся.

— Какие деньги?

— Один миллион двести тысяч. Я верну их тебе после нотариальной фиксации долга.

— Это был не подарок.

— Я знаю. Именно поэтому верну.

— Тебе нечем.

— Наймусь, возьму кредит, продам свою долю. Но не стану жить в доме, который ты купил мне за спиной.

— Я не покупал тебе дом.

— Ты так говоришь, будто это меняет дело.

Внизу снова хлопнула дверь. На этот раз послышались голоса. Нотариус и Ольга Леонидовна поднимались по лестнице, переговариваясь о документах. Максим шагнул к подоконнику и убрал связку ключей.

— Я не буду спорить из-за денег при них, — тихо сказал он.

— Ты не будешь спорить вообще. Я сама сообщу, когда верну.

— Хорошо.

— И на комиссию я пойду одна.

— Я останусь внизу.

— Нет.

— Я не войду с тобой в кабинет.

— Ты опять собираешься ждать за дверью?

— Я собираюсь быть рядом, если они начнут давить.

— Если мне понадобится помощь, я попрошу.

— Ты не попросишь.

— Вот поэтому ты не нужен в кабинете.

Ольга Леонидовна появилась на площадке первой. Она посмотрела на синюю ленту и на сложенный чертеж.

— Вы уже начали без нотариуса?

— Мы закончили, — сказала я.

Нотариус протиснулась следом, неся кожаную папку.

— Тогда пройдем в кухню. Там светлее.

Мы спустились. На кухне пахло кофе и старой краской. Ольга Леонидовна достала из папки выписку ЕГРН, договор уступки и проект соглашения о порядке пользования домом.

— Здесь два собственника, — сказала она. — Никто не может продать свою долю отдельно без согласия второго. Поэтому в документе будут зафиксированы не только комнаты, но и запрет на любые действия, способные изменить статус дома.

Я положила перед ней чертеж 1956 года.

— Это тоже приложим.

Максим посмотрел на меня.

— Ты уверена?

— Если труба существует, ее нельзя оставлять вне документов. После реставрации каждый второй владелец заявит, что план подделан.

Ольга Леонидовна кивнула и сделала пометку в проекте. Нотариус зачитала условия:

— Первый этаж: мастерская и комната с видом на набережную остаются за Елизаветой Волковой. Комната над кухней, а также часть чердака, примыкающая к инженерным коммуникациям, остаются за Максимом Рудневым. Лестница, кухня, ванная и чердак в части общего пользования остаются общими. Подвал закрепляется за Елизаветой Волковой. Доступ туда возможен только по ее решению или в случае аварийной ситуации с обязательным уведомлением.

— Я хочу добавить уведомление, — сказала я.

Нотариус подняла голову.

— Какое?

— В случае аварии собственник второй половины обязан предупредить меня до входа. Если связаться со мной невозможно, он может войти только в присутствии представителя управляющей компании или другого уполномоченного лица.

Максим посмотрел на меня долгим взглядом.

— Это лишнее.

— Тогда не будет ключа от подвала.

— Я принимаю.

Нотариус внесла пункт.

— По входной двери. Каждый собственник имеет собственный ключ. Дубликаты у нотариуса. Дверь запирается изнутри только после открытия снаружи. В ночное время никто не имеет права закрывать другого собственника снаружи.

— Еще один пункт. Никаких посторонних действий с общим имуществом без предварительного уведомления. Ремонт, замена труб, счетчиков, проводки и замков только после согласования со мной.

Максим кивнул.

— Я принимаю.

— В том числе ремонт на твоей половине?

— В том числе.

Ольга Леонидовна подвинула нам документы. Мы подписывали медленно. Нотариус проверяла каждую страницу, Ольга Леонидовна следила за формулировками, а я считала не только комнаты, но и последствия каждой подписи. Максим расписался последним. Его рука дрогнула, когда он ставил дату.

После этого Ольга Леонидовна достала банковскую справку.

— Долг по договору уступки, — сказала она. — Один миллион двести тысяч. Подтверждается полностью. Срок возврата в соглашении не указан.

— Я верну, — сказала я.

— Я не требую, — ответил Максим.

— Я тоже не требую, чтобы ты меня простил. Я верну деньги и забуду о том, что ты считал себя вправе решать, как мне жить.

Он сжал челюсти.

— Я не считаю себя вправе.

— Ты только что чуть не отдал мне ключ от моей половины.

— Это запасной ключ.

— Ты принес его в кармане, хотя я запретила тебе приносить ключи.

— Я подумал, что так безопаснее.

— Вот в этом и проблема. Ты снова подумал за меня.

Ольга Леонидовна закрыла папку.

— Достаточно. Документ подписан. Следующий вопрос касается дома.

Она достала из папки акт аварийности.

— Завтра в девять утра комиссия должна осмотреть радиаторы. В акте указано, что дом признан аварийным по результатам обследования инженера Борисова.

— Борисов умер два года назад, — сказала я.

— Я знаю, — ответила она. — Поэтому советую не подписывать акт с формулировкой «замечаний нет» до проверки подлинности.

Я посмотрела на Максима. Он не удивился. Два дня назад он сам сказал мне, что печать на акте принадлежит «Стройинвест-сервису», а подпись инженера выглядит живой. Тогда я не поверила до конца. Теперь документ лежал передо мной, и дата на нем была аккуратнее, чем положено для бумаги, которую подписал мертвый человек.

— Я подам заявление, — сказала я.

— О подделке? — спросила Ольга.

— О проверке. Сначала экспертиза, потом полиция.

— Одна?

— Одна.

Максим подался вперед.

— Я могу дать показания.

— Нет.

— Я был на обследовании крыши в тот день, когда меняли акт.

— Ты не видел, как его подписывали.

— Я видел Никиту Дорохова.

— Никита сам позвонил мне вечером. Он подтвердил, что копию акта видел, но не знал, откуда она взялась. Если он даст показания, я сообщу тебе. До этого ты не ходишь в полицию и не звонишь ему.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Нотариус собрала подписанные листы.

— Соглашение вступит в силу после регистрации.

— Когда можно забирать? — спросила я.

— Через три рабочих дня.

— Три дня никто не должен ничего менять.

— Никто.

Максим поднялся. На пороге он остановился и оглянулся на мою синюю разметку, все еще криво оббивавшую перила.

— Я могу снять ленту, — сказал он. — Она испортит шпаклевку.

— Я сама.

— Я не собирался менять ничего без соглашения.

— Знаю. Но лучше, если ты привыкнешь спрашивать заранее.

Он кивнул и вышел.

Я осталась на кухне с Ольгой Леонидовной. За окном шумела набережная, в трубе ровно гудела вода. На столе лежали подписанное соглашение, банковская справка и сложенный пополам чертеж, найденный в нише за лестницей.

— Ты уверена, что хочешь вернуть ему деньги? — спросила Ольга.

— Да.

— Он может отказаться.

— Тогда я отдам их через нотариальный депозит.

— Это будет выглядеть как попытка откупиться.

— Это будет выглядеть как расчет. Я не собираюсь оставлять ему право говорить, что он меня содержит.

Ольга посмотрела на меня внимательно.

— А свидание?

— Какое свидание?

— Он приглашал тебя до развода.

— После развода.

— Я помню.

— Он сначала должен переехать.

— Он уже переезжает.

— Сначала должен закончить переезд. Потом пригласить в нейтральное место. Не сюда.

— Ты сама сейчас об этом заговорила.

— Я озвучила условие.

— Ты боишься?

Я посмотрела на чертеж, где под слоем старых линий уходила в стену неучтенная труба.

— Я боюсь не свидания. Я боюсь снова проснуться в доме, где все уже решено до моего пробуждения.

Ольга закрыла папку.

— Тогда не просыпайся.

— Что вы имеете в виду?

— Разбуди того, кто рядом, и скажи, что тебе нужно. Если он опять начнет решать, выставь его за дверь. Если спросит, пригласи войти.

Я усмехнулась.

— Вы слишком уверенно говорите о бывшем муже.

— Я слишком долго была вашим семейным юристом.

За дверью послышались шаги. Максим вернулся на кухню без куртки, с рулоном синей ленты в руке.

— Я забыл, — сказал он.

— Что?

— Снять перила.

— Я сама.

— Можно, я просто подержу лестницу?

Я посмотрела на него. Он стоял у двери и ждал, не переступая порога.

— Подержи.

Он подошел к лестнице и встал рядом. Я поднялась на первую ступень, сняла одну синюю метку и приклеила ее на край соглашения. Вторую отдала ему.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы больше никто не забывал, где проходит граница.

Он улыбнулся. Коротко, почти неуверенно.

— Я могу прийти завтра?

— Зачем?

— Передать схему проводки.

— Положи ее у нотариуса.

— Я думал отдать тебе.

— Я сама заберу.

— Хорошо.

— И не жди в машине.

— Хорошо.

— И не приходи в полицию без моего звонка.

— Хорошо.

— И не звони Никите.

— Хорошо.

— Ты сегодня очень послушный.

— Я учусь.

— Плохо.

— Значит, буду спрашивать.

Я кивнула и вернулась к столу. За спиной скрипнула лестница. Максим спустился, остановился у входной двери и обернулся.

— Лизавета Андреевна?

— Что?

— Я переезжаю сегодня.

— Знаю.

— Вернусь только за вещами.

— Только после звонка.

— Хорошо.

Он открыл дверь. Холодный воздух ворнулся в подъезд, пахнувший мокрым камнем и рекой.

— Максим.

Он обернулся.

— Не приноси завтра еду.

— Хорошо.

— И чай тоже.

— Хорошо.

— И не проверяй батареи.

— Хорошо.

Он ждал, не уходя. Я смотрела на его руки, на мокрую полоску на шее, на знакомую складку между бровями.

— Если я позвоню, ты придешь?

— Приду.

— Если не позвоню, не приходи.

— Хорошо.

Он вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Я вернулась к столу, достала из ящика тетину тетрадь и открыла чистую страницу. На ней уже лежали старые записи:

«Если М. придет первый — не отдавай ему ключ от мастерской. Это твоя дверь».

Ниже, другими чернилами:

«Раздел комнат — не развод. Развод — когда перестают говорить».

Я перечитала вторую фразу и добавила свою:

В кармане куртки тихо звякнули ключи, и я замерла у двери. Пальцы нашли ридикюль тети, а в нем - два ключа: мой с биркой «мастерская» и его, «верх». Я сжала их в кулаке так, что бирки впились в ладонь. Тетя любила такие жесты - наглядные, как соль на рану. Ключ от верхней половины мне был не нужен: Максим съехал. Но отдать его сразу я не могла, как не могла отдать тетрадь, как не могла выбросить в окно шторы Анфисы Леопольдовны. Вещи хранят память дольше людей, и тетя это понимала.

Внизу в подвале капало, мерно и лениво, как дождь по жестяному карнизу. Я достала телефон и включила фонарик. Свет выхватил сначала знакомый контур насоса, потом край медной пломбы на газовом кране. Царапина была свежей, блестела срезом, но я к ней не подходила. Я села на корточки рядом с лужей и посветила на трубу под потолком. Капель шла из-под хомута у стыка старого и нового колена: кто-то недавно открутил его, а потом закрутил обратно. Не плотно. Зачем - было понятно без объяснений.

Я вернулась в мастерскую, положила ключи на стол рядом с блокнотом и открыла тетрадь тети на чистой странице. Под датой написала: «Подвал, хомут у стыка, откручен и закручен обратно. Пломба газовая тронута. Не мое». Затем перевернула назад и нашла запись, которую Максим оставил утром: «Котла не трогал. Отопление включил в 20:10. Если не так - скажи». Почерк был его, я помнила эти скупые, наклонные буквы, как помнила его запах - табак и металл. Я приложила к его записке свою, новую, и положила рядом. Если Нина Федоровна видела его в час-два ночи, а пломба была сорвана к утру - значит, он приходил один раз, а кто-то другой - после. Или он приходил дважды и молчал про второй. Тетя в своей тетради писала: «он молчит, потому что боится, что ты продашь». Боялся. Не доверял. И из этого молчания теперь торчали трубы, по которым текла в чужой котел чужая вода.

Телефон завибрировал в кармане. Участковый, номер знакомый. Я вышла в подъезд, чтобы голос не гулял по мастерской.

- Слушаю.

- Елизавета Андреевна, по вашему заявлению. Вы точно обнаружили котел выключенным сами?

- Сама, в шесть утра. Пломба на месте, батарея холодная, газ перекрыт.

- Свидетели?

- Соседка Нина Федоровна с третьего этажа. И Максим Руднев, он приходил в час ночи проверить газ, но это к делу не относится.

- Относится. Потому что ночью того же числа у арки стояла черная машина Стройинвеста, и это зафиксировано на камере у входа в кафе. Мы запросим запись. У вас сохранился протокол инженера Дорохова?

- У меня. Копия.

- Пришлите, пожалуйста, на почту. И если у вас есть фотография пломбы с линейкой - тоже.

Я повесила трубку и пошла в котельную. Линейка нашлась в кармане куртки - я привыкла носить ее с собой после вчерашнего осмотра балки. Приложила к царапине, сфотографировала дважды: с линейкой и без. На медной поверхности остался мой собственный отпечаток пальца - чистый, без перчатки. Я стерла его рукавом и сфотографировала еще раз. Три снимка легли в отдельную папку с датой.

В подъезде пахло сыростью и старой краской. Я поднялась на свой этаж и остановилась у двери его половины. Замка с биркой «верх» уже не было - Максим сменил его утром. Новый, латунный, заводская смазка еще не высохла. Я положила ладонь на холодный металл и сосчитала до десяти. Дверь была закрыта, ключ от нее лежал у меня в кармане, но открывать я не стала. Утром он передаст схему проводки у ворот и уедет. Это было его решение, принятое после того, как я дважды сказала «уезжай». Мне не нужно было проверять, закрыл ли он за собой газ, запер ли черный ход и не оставил ли на полке надфиль, которым я могла порезаться. Мне нужно было завтра утром принять у эксперта акт по балке, потом дозвониться мастеру по вентиляции, потом подписать у нотариуса раздел комнат. Остальное менялось само, если я не лезла в чужую дверь.

Я спустилась в мастерскую, сварила себе кофе из старого турка, который остался от тети, и села за стол. На столе лежали: ключ с биркой «мастерская», ключ с биркой «верх», блокнот с синими метками, тетрадь тети, две записки Максима и моя, и жетон с чердака - «Партия 1954, завод № 7, брак по геометрии». Я отодвинула жетон к краю стола, он был не мой и не его. Он был про брак, который никогда не стал бы геометрически правильным.

К девяти вечера я отправила участковому три фотографии пломбы, копию протокола Никиты и короткую записку: «Котел обнаружила выключенным сама. Свидетели: соседка и бывший собственник второй половины. Документы прилагаю». Потом написала Ольге Леонидовне: «Фото пломбы отправила. Утром буду у нотариуса к девяти». Потом закрыла телефон и долго смотрела на ключи в свете настольной лампы. Два латунных тела, два разных почерка на бирках, один замок. Тетя говорила: «Раздел - не развод. Развод - когда перестают говорить». Я говорила: «Долг - не забота. Договор - не прощение». А ключи лежали рядом и не спорили, потому что вещи не спорят. Они ждут, пока кто-нибудь возьмет их в руку и решит, кому они сегодня нужны.

«Долг — не забота. Договор — не прощение».

За окном вновь зашумел дождь. Я закрыла тетрадь, спрятала ключи с бирками в карман куртки и заперла входную дверь изнутри. На этот раз я не прислушивалась к шагам на лестнице. Я знала, что Максим уехал.

А в понедельник должен был прийти эксперт, который скажет, что скрывает треснувшая балка и ведет ли старая труба к печи. До этого времени дом оставался моим не по имени Максима и не по его деньгам. Он был моим потому, что я наконец перестала отдавать другим право решать, где заканчивается моя дверь.

Глава 3. Граница по лестнице

Чужие духи пахли ирисом и табаком, и я узнала их раньше, чем увидела бутылек. Он стоял на крышке бабушкиного сундука, среди моих рулонов кальки и карандашей, и тонкое стекло ловило свет так, словно его только что поставили. Я замерла у двери мастерской, не донеся до стола тетрадь в кожаном переплете.

Максим, который помогал мне втащить из подвала коробку с чертежами, уже стоял у сундука. Он увидел флакон одновременно со мной, я прочла это по его спине. Плечи окаменели, ладонь на крышке замерла, не касаясь стекла.

— Это не мое, — сказал он ровно. — Это было в коробке.

— Коробку я открывала сама, — ответила я, ставя тетрадь на стол. — В ней были старые планы, тряпки и твой ключ от верхнего замка. Флакона там не было.

Он повернулся медленно, и я поймала его взгляд: в нем не было вины, только усталое узнавание.

— Это Карина, — сказал он. — Она приходила к тете, пока тебя не было. Тетя разрешала ей оставлять вещи.

Карина. Женщина, с которой он менялся, пока мы были женаты. Женщина, чьи духи до сих пор жили в моих простынях, когда я уходила. Я взяла флакон двумя пальцами, как чужую улику, и вынесла на крыльцо.

— Выбрось, — сказала я, не оборачиваясь.

— Лиза.

— В мусор, Максим. Если эта коробка была в подвале семь лет, а флакон не просрочен, значит, кто-то здесь бывал. Я не хочу, чтобы ее вещи лежали среди моих чертежей.

Он вышел следом, молча завернул стекло в газету, унес к калитке. Я слышала, как звякнула крышка бака. Вернулся, остановился на пороге, не переступая.

— Я не приводил ее в этот дом, — сказал он тихо. — Никогда.

— Это меняет только одно, — ответила я. — Что у нас был разный масштаб предательства. Тетя разрешила ей оставлять вещи. Значит, тетя знала, что ты изменяешь. И молчала.

Он опустил голову. Я не стала ждать ответа и вернулась к столу, где лежала тетрадь. Мне нужны были цифры, а не разговоры.

Тетя писала аккуратным, чуть дрожащим почерком. Счета, пометки, адреса мастеров. Я открыла страницу с долгами и начала считать вслух, чтобы он слышал.

— Двенадцать тысяч — крыша. Сорок — коммуналка за год. Пятнадцать — штраф за перепланировку ванной. Сто двадцать — выкуп доли у банка через Р. Без даты.

Я подняла глаза от страницы.

— Сто двадцать тысяч, Максим. Не миллион. В книге нет миллиона. Тетя не знала, что ты заплатил миллион. Ты платил не за долю тети. Ты платил за мою долю, потому что тебе так было удобнее. И молчал.

Он смотрел на меня так, словно я ударила.

— Банк забирал дом за долги, — сказал он глухо. — Тетя не успевала. Я был рядом.

— Ты был рядом и выбрал не говорить мне. Три года.

Я закрыла тетрадь и прижала локтем к столу. Руки дрожали, и я не хотела, чтобы он это видел.

— Я возвращаю тебе долг. Сто двадцать тысяч, которые есть в этой книге. Остальное — это твоя цена за молчание, и она не моя.

Он сделал шаг внутрь, но я подняла ладонь.

— Нет. Ты приносишь свои ключи и оставляешь их на тумбочке. Ты не приходишь в мастерскую без стука. И пока я считаю эту тетрадь, ты сидишь на крыльце.

Он послушался. Я слышала, как скрипнуло крыльцо под его весом.

К вечеру в тетради я нашла отдельный лист, вложенный между страницами. План первого этажа, выполненный твердой рукой, с подписью «мастерские». Три комнаты, отдельный вход, вентиляция, печь с воздуховодом. Тетя знала, что дом может быть центром ремесел, и оставила мне не долги, а проект.

Я разложила чертеж на столе и посмотрела в окно. В сумерках по набережной шла Аня Соколова с сумкой, в которой позвякивали глиняные формы.

Я открыла дверь раньше, чем успела подумать.

— Аня, — сказала я. — Зайдите на минуту. У меня есть план, который стоит обсудить.

Аня вошла, стряхивая с плеч мокрый снег. От нее пахло глиной, печным дымом и сырой шерстью — тем особым запахом, который бывает у людей, работающих руками в холодном помещении. В руках она несла сумку, обмотанную бечевой, и я заметила, как она машинально прижимает ее к себе, как будто там что-то хрупкое.

— У вас горит свет, — сказала она вместо приветствия. — Я думала, дом пустой.

— Теперь не пустой. Я Лиза, мы незнакомы. Входите, тут не дует.

Она переступила порог, остановилась у стола, увидела разложенный чертеж и замерла. Я проследила за ее взглядом: твердая линия плана первого этажа, три комнаты, подписанные «гончарная», «столярная», «кузнечная». Тетя сама размечала, где какой мастер должен работать, и я только сейчас понимала, как точно она считала.

— Это кто рисовал? — спросила Аня тихо.

— Тетя. Умерла месяц назад. Оставила мне половину дома и долги.

Я не стала уточнять про вторую половину. Не сейчас. Сначала дело.

— Аня, вы работаете в подвале, я знаю. У вас керамика, печь, обжиг. Я предлагаю вам перейти сюда, в первую мастерскую. Здесь сухой пол, окна на юг, и я смогу провести нормальную вентиляцию. Договор аренды с муниципалитетом, пожарное заключение, два резидента для запуска. Второго мастера мы найдем вместе.

Она молчала, глядя на чертеж, и я видела, как у нее дрогнули пальцы на ручке сумки. Я знала эту дрожь. Так дрожат руки, когда человек хочет сказать «да» и боится, что потом отберут.

— У меня печка старая, — сказала она наконец. — Самодельная. Мне ее не вытащить.

— Я помогу вытащить. У меня есть разводной ключ и мужчина на крыльце, который умеет носить тяжелое и молчать.

Я сказала это и сама удивилась, что назвала Максима. Она подняла глаза.

— Это ваш... бывший?

— Бывший. Совладелец второй половины. С завтрашнего дня — мой сосед по стене. Не больше.

Она кивнула медленно, и я поняла, что она уже слышала про дом по-соседски, может быть, даже от Тимура Валентиновича. Набережная — деревня, здесь все знают, кто с кем развелся и кто кому должен.

— Мне нужно сухое теплое помещение, — сказала Аня. — Без этого я не подпишу. У меня обжиг требует ровной температуры, а в подвале зимой сырость. Я уже три заказа сорвала в этом году.

— Я понимаю. Завтра в девять у меня комиссия по отоплению. Если они не отключат дом, я запущу вторую батарею в мастерской к среде. Если отключат — найду обходной путь через временный обогреватель и счет за электричество. В любом случае через неделю у вас будет сухой пол и тепло.

Я говорила и сама чувствовала, как это звучит — обещание, которое я не имела права давать, потому что утром придет управляющая компания с актом, под которым стоит подпись

мертвого человека. Но я смотрела на Аню и понимала: если я сейчас начну перечислять препятствия, она уйдет и больше не вернется.

— Мне нужен договор, — повторила она. — Не слово. Бумага.

— Бумага будет. Я позвоню Ольге Леонидовне сегодня вечером, и к пятнице у вас на руках будет проект договора с муниципалитетом. Если вы его подпишете — я подпишу со своей стороны в тот же день. Соглашение о порядке пользования помещением, отдельный вход с набережной, отдельный счетчик, ваша печь остается вашей собственностью.

Она поставила сумку на пол, медленно развязала бечеву и достала глиняную форму — небольшой кувшин с неровной глазурью, еще сырой. Поставила его на стол рядом с чертежом, и я увидела, как линии плана совпали с изгибом кувшина, словно тетя рисовала именно под эту форму.

— Это моя первая проба после перерыва, — сказала Аня. — Я хотела проверить, получится ли у меня заново. Получилось.

Я взяла кувшин, повернула в руках. Глина была теплой, живой, и я вдруг подумала, что тетя знала Аню. Знала, что эта женщина придет с сумкой и мокрым снегом на плечах, и оставила мне не долги, а чертеж для нее.

— Аня, — сказала я, — послезавтра в семь вечера приходите сюда с вашей печкой и всем, что нужно для обжига. Мы разметим помещение, и я покажу вам, где будет ваш угол. Если после этой ночи отопление еще работает — мы начнем.

Она кивнула, спрятала кувшин обратно в сумку, завязала бечеву. У двери остановилась.

— А тот, на крыльце... он правда умеет молчать?

— Правда. Три года молчал про долг в миллион, — сказала я. — Так что молчание у него профессиональное.

Она вышла. Я слышала, как скрипнуло крыльцо под двумя парами ног, как Аня поздоровалась с Максимом коротким кивком, как за ней закрылась калитка. Потом шаги на крыльце, и его голос:

— Лиза, у вас есть десять минут до темноты. Я успею заделать щель в косяке мастерской. Если не заделать — к утру натянет сырости.

Я подошла к двери, открыла. Он стоял на крыльце с инструментальным ящиком, и в свете фонаря его лицо было спокойным, без вины. Просто работа.

— Заделывайте, — сказала я. — Только через окно, не через дверь. Мне не нужно, чтобы вы входили ко мне без стука.

Он кивнул и пошел к окну. Я вернулась к столу и положила руку на чертеж. Тетя оставила мне не долги, она оставила мне план. Я положила рядом телефон и набрала Ольгу Леонидовну.

— Ольга, это я. Мне нужен проект договора аренды с муниципалитетом на помещение первого этажа под центр ремесел. К пятнице. И еще — завтра в девять утра комиссия по отоплению, мне нужно, чтобы вы были здесь.

— Буду, — сказала она. — А резидент?

— У меня есть Аня Соколова. Керамика. Она придет послезавтра с печью. Если завтра не отключат тепло — центр реальный.

В трубке повисла короткая пауза.

— Лиза, ты понимаешь, что ты сейчас строишь центр на доме, у которого завтра могут отобрать отопление, а послезавтра признать аварийным?

— Понимаю. Поэтому мне нужен договор к пятнице.

Я повесила трубку и посмотрела в окно. Максим стоял на стремянке у косяка, молча заделывал щель. Свет фонаря падал на его руки, и я отвернулась, чтобы не смотреть. У меня была работа.

Воздух в мастерской пах мокрым деревом и известкой, и я поняла, что замерзла, только когда пальцы перестали слушаться. Чайник на плите не нагревался — батарея под окном еле

теплилась, и я вспомнила, что обещала Ане сухое теплое помещение к среде, а у меня в доме к ночи не будет даже кипятка.

Я вытащила тетрадь тети из сумки, положила на стол рядом с чертежом и зажгла настольную лампу. Свет упал на кожаный переплет, на стертую надпись «Дом на набережной. Записи», и я открыла страницу, где тетя сводила баланс по дому. Цифры были аккуратные, выведенные синей ручкой, и я узнала почерк — такой же, как на ключе с биркой «мастерская».

Первая строка: «выкуп доли у банка через Р., 1 200 000». Без даты. На полях мелким почерком — «спросить у М.». Я знала, что значит «Р.», и знала, почему она не написала дату: не хотела врать. Если бы записала точное число, мне пришлось бы считать, когда она перестала платить по кредиту, а она предпочла оставить это пустым, чтобы я сама решила, с какого момента начинается долг.

Вторая строка: «коммуналка за 3 года, 187 400». Третья: «штрафы за перепланировку, 45 000». Четвертая, написанная крупно через всю страницу: «Если М. придет первый — не отдавай ему ключ от мастерской. Это твоя дверь».

Я провела пальцем по этой строчке и почувствовала, как в горле стало тесно. Тетя знала. Знала, что он придет первым, знала, что попросит войти, и заранее отрезала мне путь к отступлению. Под крупной записью, другим почерком, торопливым, как будто она писала уже больной рукой, было добавлено: «Раздел комнат — не развод. Развод — когда перестают говорить».

Я закрыла тетрадь и положила руку на чертеж. Три комнаты первого этажа, подписанные «гончарная», «столярная», «кузнечная». Тетя считала, что здесь будут работать мастера, и оставила мне не долги, а план под них. Теперь мне нужно было понять, кто эти мастера и готова ли я тащить их в дом, у которого утром могут отобрать отопление.

С улицы донесся глухой стук — Максим закончил с косяком и теперь возился с крыльцом. Я встала, подошла к окну и увидела, как он спускается со стремянки, убирает инструмент. Фонарь бросал желтый квадрат на его спину, и я заметила, что он принес с собой не только ящик, но и вторую сумку — ту самую, с которой утром объявил о переезде. Значит, вещи еще здесь. Значит, он собирается ночевать в доме, хотя обещал снять квартиру.

Я отвернулась от окна и набрала номер Тимура Валентиновича. Он взял трубку с третьего гудка, голос был хриплый, соседский.

— Тимур Валентинович, это Лиза Волкова с набережной. Мне нужно поговорить про собрание собственников.

— Про какое собрание? — спросил он, и я услышала, как он откашливается.

— Про то, которое назначено на следующую неделю. Я знаю, что управляющая компания вносит вопрос об аварийности дома. Мне нужно увидеть список собственников и понять, сколько голосов против.

— Лиза, ты же знаешь, что у нас двенадцать собственников. Из них семеро уже подписали согласие на снос.

— Знаю. Мне нужно увидеть эти подписи. И если можно — список тех, кто еще не подписал.

Он помолчал, потом сказал осторожно:

— А зачем тебе? Ты же только вступила в наследство. Думала небось продать долю и уехать.

— Я не собираюсь продавать и уехать. Я собираюсь открыть здесь центр ремесел. Мне нужен дом живым.

Снова пауза, длиннее.

— Ладно, — сказал он наконец. — Приходи завтра к восьми, до твоей комиссии. Я достану тебе копии подписей и реестр. Только Лиза — у меня сосед Терентьев с третьего этажа, он за снос. Он тебя не любит.

— Я его тоже, — сказала я. — До завтра.

Я положила трубку и услышала, что в доме стало тихо. Максим больше не стучал на крыльце. Поднялась, прошла по мастерской, проверила батарею — она была чуть теплой, и я поняла, что если завтра комиссия отключит отопление, у меня не будет ни сухого пола для Ани, ни работающей мастерской, ни чертежа, под который можно подписать договор.

В дверь постучали. Негромко, костяшками пальцев, так, как он всегда стучал — три коротких удара и пауза.

— Открыто, — сказала я.

Он вошел, держа в руках жестяную банку с мастикой и тряпку. Встал у порога, не переступая.

— Лиза, у вас в мастерской щель под плинтусом. Я видел с улицы, дует. Если не заделать до ночи, пол к утру будет ледяной.

— Заделайте, — сказала я. — Только тряпку потом увезите с собой. У меня в мастерской нет места для ваших банок.

Он кивнул, опустил на колени у стены и начал работать. Я села за стол, открыла тетрадь тети на странице с долгами и стала считать. Один миллион двести тысяч за долю. Сто восемьдесят семь тысяч за коммуналку. Сорок пять за штрафы. Если я отдам миллион двести — у меня останутся деньги на ремонт крыши и на первый взнос по договору с муниципалитетом. Если нет — я буду должна ему, а я этого не хочу.

— Максим, — сказала я, не поднимая глаз. — Долг за долю тети. Один миллион двести. Я верну.

Он замер с тряпкой в руке.

— Не сейчас, — добавила я. — В течение полугода. С процентами по ставке рефинансирования, как в банке.

— Лиза, я не просил.

— Я знаю. Но я не хочу быть вам должна. Вы уже один раз заплатили за этот дом за моей спиной. Второй раз я не позволю.

Он поднялся, вытер руки тряпкой, посмотрел на меня долгим взглядом, который я не выдержала и отвернулась к тетради.

— Хорошо, — сказал он тихо. — В течение полугода.

И вышел. Я слышала, как его шаги поднялись по лестнице на второй этаж. Потом хлопнула дверь, и стало тихо. Я посмотрела на часы — половина восьмого. Завтра в девять комиссия. У меня четырнадцать часов, чтобы доказать, что дом не аварийный, и семь часов, чтобы перестать думать о том, как он стоял на коленях у моей стены.

За окном уже стемнело, когда я подняла крышку теткиного сундука в подвале. Тяжелая, дубовая, пахнущая сухим деревом и нафталином. Петли скрипнули так, будто дом вздохнул. Я принесла с собой налобный фонарь, карандаш и блокнот, потому что знала: если я не спущусь туда сейчас, завтра у меня не будет ни сил, ни времени.

Подвал был сухой, теплый, выложенный старым кирпичом. Стены держали температуру, и я сразу подумала — это можно использовать. Не под склад, под мастерскую. Под керамику, под обжиг, под то, о чем тетя писала в чертежах.

Сундук стоял в дальнем углу, под самой низкой балкой. Я присела, смахнула пыль и увидела, что крышка обита по краю жстью — видимо, чтобы влага не забиралась внутрь. Внутри лежали стопки пожелтевших листов, перехваченные тесьмой, и отдельная папка, обернутая воощеной бумагой. На папке тетя написала: «Для Лизы. Не трогать до третьего ключа».

Я подцепила воощеную бумагу ножом. Внутри лежал большой лист — чертеж первого этажа в масштабе, с подписями комнат, с обозначением вентиляции, с указанием толщины стен и несущих балок. Тетя нарисовала его задолго до того, как я приехала, и подписала каждую линию аккуратным архитектурным почерком. В правом нижнем углу стояло: «Согласовано

с М.Р., инженером». Подпись была круглой, мягкой, и я поняла — Максим это делал. Он помогал ей с расчетами. Он был здесь раньше меня.

Это меня не задело. Наоборот, мне стало спокойнее: значит, несущие балки он проверил, и крышу над моей будущей мастерской чинил не наугад.

Я достала телефон и сфотографировала каждую страницу. Потом вернулась к блокноту, сделала пометки по вентиляции: «где проложить воздуховод», «где поставить вытяжку», «где оставить окно для естественного света». Это было первое, что я могла предложить Ане Соколовой — реальный план помещения под ее гончарный круг и печь.

Снизу раздался шорох. Я замерла, прислушалась. Крыса, наверное. Но через секунду шаги стали различимыми — осторожные, тяжелые, по лестнице вниз. Максим. Я закрыла папку, но не стала прятать. Незачем. Я имела право здесь быть.

Он появился в дверном проеме с лампой в руке, посветил, увидел меня у сундука и остановился. Потом подошел, поставил лампу на пол, сел рядом на корточки. Молча. Я заметила, что он принес с собой пакет, и в пакете что-то тихо звякнуло.

— Тетя мне этот чертеж не показывала, — сказала я. — Она тебе показывала.

Он кивнул.

— В двухтысячном. Я тогда только начинал работать, мы с ней считали нагрузку на перекрытия. Она хотела здесь мастерские. Я считал, что не выдержит пол. Потом мы укрепили лаги, и она сказала — оставлю тебе, если ты согласишься.

— Ты согласился?

— Да.

Я положила руку на чертеж. Бумага была плотная, геодезическая, с водяным знаком.

— Ты знал, что я сюда вернусь, — сказала я.

Он помолчал, потом ответил тихо:

— Я надеялся.

Я не стала это комментировать. Вместо этого спросила:

— Здесь, в подвале, можно поставить обжиговую печь? Если укрепить основание?

Он подвинулся ближе к чертежу, ткнул пальцем в квадрат, подписанный «кузнечная»:

— Здесь нельзя. Тут проходит вентиляция. А вот тут, — он перешел к «гончарной», — можно. Тут пол бетонный, и стена несущая. Если поставить печь на постамент, выдержит.

Я записала в блокнот: «печь — только гончарная. Постамент, вентиляция с улицы, договор с пожарными». И рядом: «спросить у Ани про обжиг».

Максим сидел рядом, не двигаясь. Его плечо было в пяти сантиметрах от моего, и я чувствовала тепло через рукав. Я знала, что должна отодвинуться. Не отодвинулась.

— Завтра в девять, — сказала я, не глядя на него. — Комиссия по отоплению. Ты останешься?

— Да.

— Не вмешивайся. Что бы они ни говорили про аварийность — это моя комната, мой подвал, мой чертеж. Я говорю.

— Хорошо.

Он поднялся, подобрал пакет и пошел к лестнице. У первой ступеньки остановился.

— Лиза. Здесь, в сундуке, на самом дне, должна лежать тетрадь в кожаном переплете. Если найдешь — не отдавай никому. Там расчеты по крыше.

Я кивнула. Он ушел. Я нашла тетрадь через минуту — на самом дне, завернутую в газету 1998 года. Тетя писала в ней про стропила, про угол наклона, про то, какие доски надо менять, а какие можно оставить. Рядом лежал карандашный набросок Максима — он рисовал узел крепления и подписывал: «М.Р., 2003, замена».

Я положила тетрадь рядом с чертежом, закрыла сундук и выключила фонарь. В подвале стало совсем темно, и только сверху, через щель в двери, падала тонкая полоска света. Я поднялась, заперла подвал своим ключом, проверила, что замок держит. Два оборота.

На кухне горел свет. Максим сидел за столом, перед ним стояла кружка с остывшим чаем и лежал раскрытый блокнот. Он писал. Я увидела, что он записал ровно то же, что и я: «печь — гончарная. Постамент». Я ничего не сказала. Прошла мимо, налила себе воды из фильтра, выпила стоя. Потом повернулась к нему.

— Благодарю за чертеж, — сказала я. — Завтра в восемь я уйду к Тимуру Валентиновичу. В девять вернусь. Если хочешь — встретим комиссию вместе. Если не хочешь — я справлюсь одна.

Он отложил карандаш.

— Вместе, — сказал он. — Но ты говоришь.

— Я говорю.

Я пошла к себе в мастерскую, заперла дверь изнутри на оборот, повесила куртку на крючок и села за стол. Передо мной лежали блокнот, кожаная тетрадь, чертеж в вошеной бумаге и фотографии с телефона. Я достала чистый лист и написала сверху: «Центр ремесел. План на зиму». Первый пункт: «печь — гончарная, подвал, постамент, согласование с Инга Сергеевной». Второй: «Аня Соколова — сухое теплое помещение, договор с муниципалитетом, пожарное заключение». Третий: «крыша — замена стропил по тетради, согласование, смета». Четвертый: «долг 1 200 000 — вернуть до лета».

За стеной было тихо. Я слышала, как Максим ходит по второму этажу, и звук шагов был ровный, спокойный, как метроном. Я закрыла блокнот, погасила лампу и легла, не раздеваясь. Завтра в девять комиссия. У меня одиннадцать часов, чтобы перестать слышать эти шаги.

Глава 4. Первая общая стена

Я поставила на кухонный стол аптечку, закатала рукав и промокнула ссадину на предплечье, полученную утром, когда мы с Максимом ловили на лестнице тяжелый ключ от подвала. Рядом лежали распечатанная смета и квитанции. Мне нужно было показать соседям не план красивой жизни, а чертеж, смету и людей, готовых работать. А еще обработать рану при свидетелях, потому что в этом доме любая мелочь быстро становится общим знанием.

Из прихожей донесся стук. Не условный, а тяжелый, требовательный.

— Кто там?

— Свои.

Голос Максима я узнала, но дверь не открыла. Он постучал снова, затем толкнул ее и появился на пороге с пакетом.

— Я стучал.

— Дом общий. Заходи, если пришел с делом.

Он вошел, поставил пакет на стол и взглянул на мой забинтованный локоть.

— Ушиблась?

— Поцарапалась.

— Я могу забрать кровлю. У меня есть знакомые, материалы привезут дешевле.

— Нет.

В пакете оказались хлеб, сыр, две чашки и маленькая банка малинового варенья. Запахло теплым тестом и корицей. Я достала чистое полотенце, чтобы вытереть стол.

— На обед не звала.

— Я не обедать. Перевязать пришел.

— Аптечка у меня есть.

— Она у тебя всегда есть, а пользоваться ею ты не умеешь.

Я замерла над рулоном бинта. Сколько раз он говорил мне это раньше? Сколько раз решал, что я сама не справлюсь, и это казалось заботой, пока однажды не стало похоже на право распоряжаться моей жизнью.

— Сейчас у тебя свидетели будут, — он кивнул в сторону окна.

За стеклом стояли Тимур Валентинович и Аня. Еще мгновение назад во дворе никого не было. Теперь оба смотрели на кухню так внимательно, будто заранее знали, что здесь начнется спектакль.

Я открыла дверь.

— Проходите. Кофе будете?

— Не откажусь, — прогудел Тимур Валентинович, оставляя мокрые следы на старом линолеуме.

— Я на минуту, — тихо сказала Аня. — Мне нужно посмотреть трубу под раковиной.

— Труба ни при чем. Я собрала всех по поводу мастерской.

Она задержалась у двери. В руках у нее был керамический горшок с незавершенным узором.

— Я ничего не подписывала.

— И не надо. Сначала послушай.

Я расстелила на столе проект. План первого этажа, где тетина мастерская возвращалась к жизни: керамика, реставрация дерева, небольшой зал для занятий, две раковины, отдельный вход. Рядом положила смету без округлений и круглую сумму, которую могла осилить сама.

— Вот ремонт, — сказала я. — Вот мои деньги. Вот график. Крышу чиним по согласованной схеме, отопление запускаем до первого декабря, подвал оставляем под склад только после проверки. Никаких кредитов на Максима и никаких обещаний от девелопера.

Тимур Валентинович нахмурился.

— Крыша течет. Отопления нет. У тебя денег на все не хватит.

— На все сразу не хватит. На первый этаж хватит. Я начинаю с него.

— А если вода снова пойдет?

— Тогда мы остановим работы и зафиксируем ущерб. Но сначала нужно высушить помещение, а не подписывать акт, по которому дом можно снести.

Аня поставила горшок на край стола. Ее взгляд скользнул по чертежу, потом по моей руке.

— Кто будет работать с керамикой?

— Если все получится, ты.

— У меня нет договора.

— Будет. Сначала муниципальный договор, потом пожарное заключение. Я не собираюсь сдавать тебе комнату на словах.

— А если не получится?

— Тогда останешься без мастерской. Но я не буду выдавать желаемое за готовое.

В дверь снова постучали. На этот раз резко, двумя ударами.

Максим напрягся, но не двинулся с места. Я увидела, как он положил ладонь на стол рядом с моей рукой, и отодвинулась.

— Это, наверное, представитель управляющей компании, — сказал он. — Я могу поговорить.

— Я могу сама.

В прихожей стояла женщина в темном пальто. Она представилась представителем управляющей компании, не назвалась, и протянула мне бумагу.

— Вам нужно подписать уведомление. Дом признан аварийным. После этого отопление отключат, а жильцам предложат расселение.

Я не взяла бумагу.

— На каком основании?

— Акт обследования.

— Кто подписал?

— Инженер Борисов.

Максим шагнул к двери.

— Борисов умер два года назад.

Женщина улыбнулась так, будто ждала этого возражения.

— Это служебная информация. Подпишите уведомление, а детали обсудите в офисе.

Я посмотрела через плечо на стол, где лежал мой план. Затем перевела взгляд на Тимура Валентиновича.

— Вы председатель собрания. Подпись в акте ваша?

— Нет, — ответил он. — Я ничего не подписывал.

Аня впервые подняла голову.

— Тогда почему документ вообще существует?

Представительница компании не ответила. Ее взгляд остановился на Максиме, потом на мне.

— Если вы отказываетесь подписывать, отопление отключат принудительно.

— Зафиксируйте отказ в присутствии свидетелей, — сказала я. — И укажите, что акт подписан умершим человеком.

Она достала ручку. Тимур Валентинович шагнул к столу и взял чистый лист.

— Я свидетель, — сказал он. — И подпишу, что вручение состоялось.

Пока он писал, Аня подошла ко мне ближе.

— Мне нужен договор, — сказала она. — Не обещание.

— Я принесу проект.

— Когда?

— После того, как комиссия увидит отопление и кровлю. Не раньше.

В дверях женщина развернулась и ушла, не попрощавшись. На лестнице затихли шаги, а в кухне снова стало слышно, как тихо гудит старый кофейник.

Максим взял со стола банку варенья и поставил передо мной.

— Руку покажи.

— Уже завязала.

— Неправильно завязала.

Я посмотрела на бинт. Он действительно съехал и теперь держался на одном узле.

— Сними.

Я протянула руку. Максим осторожно размотал бинт, смыл кровь и наклеил новую повязку. Его пальцы были теплыми, движения знакомыми, и это знание снова разозлило меня сильнее, чем должно было.

— Спасибо, — сказала я, забирая руку.

— Пожалуйста.

Он не улыбнулся. Вместо этого достал из кармана сложенный лист и положил рядом со сметой.

— Это предложение подрядчика. Без моего имени. Цена ниже той, что ты посчитала, сроки честные. Я не даю ему денег. Я даю телефон.

Я развернула лист. Там были перечислены работы, стоимость и условия. Никаких скрытых платежей, никакой доли в доме, только договор на ремонт кровли.

— Почему ты раньше не сказал?

— Потому что ты не спрашивала.

Ответ был простым, но в нем скрывалось все, что между нами не работало. Он привык действовать без разговора, а я привыкла считать его молчание доказательством вины. Теперь он не предлагал мне помощь, а оставлял выбор на столе.

Тимур Валентинович взял лист и хмыкнул.

— Если она откажется, я возьму телефон.

— Она не откажется, — сказал Максим.

— Ты уже решил?

— Я подумал, что тебе пригодится.

Я посмотрела на договор, на кровлю за окном, где по жестяному желобу стучал дождь, и на Аню, которая все еще прижимала к груди керамический горшок.

— Я возьму телефон, — сказала я. — Но переговорю с подрядчиком сама. И оплачу счет со своего счета.

— Разумеется, — ответил Максим.

Он наконец отошел от стола, но в дверях остановился.

— Свидание, о котором ты говорила, отменяется?

— Я сказала, что подумаю.

— Ты думала.

— Плохо думала.

— Тогда я позвоню, когда перееду.

— Когда переедешь.

Он кивнул и вышел. Я закрыла за ним дверь, но не заперла. Потом вернулась к столу и придвинула к Ане проект договора.

— Читай. Если что-то не нравится, исправляем.

Аня открыла первую страницу. Тимур Валентинович устроился у окна, а я снова взяла карандаш. За окном дождь усилился, и вода с крыши забарабанила по жестяному козырьку.

На этот раз звук не пугал. Он напоминал, что дом требует не обещаний, а работы, которую можно увидеть и потрогать руками.

Я подняла карандаш и пересчитала смету по своим расценкам, без подрядчика Максима.

Цифры не сходились. На кровлю у меня было триста двадцать тысяч, на отопление сто восемьдесят, на сушику первого этажа девяносто. Итого пятьсот девяносто. У меня на счету лежало шестьсот двадцать. Оставалось тридцать тысяч на непредвиденные расходы и на жизнь.

Аня оторвалась от договора и посмотрела на меня.

— Если ты не подпишешь с подрядчиком, крыша потечет сильнее.

— Подпишу. Со своего счета.

— Тогда в чем вопрос?

— В том, что его телефон дешевле моего расчета. Это или ошибка, или его подарок через третьи руки.

Тимур Валентинович кашлянул.

— Я могу проверить подрядчика. У меня есть знакомый в реестре.

— Проверь. Сегодня.

Он кивнул и вышел. Аня вернулась к договору, я к смете. Через десять минут она положила ручку, забрала горшок и ушла. Я осталась одна.

Телефон зазвонил. Номер Зои Тарасовны.

— Лиза, я здесь, — услышала я тихий голос.

— Мне нужны бумаги по доле. Банковская справка, договор уступки, акт приема-передачи.

— Я не уверена, что они у меня.

— Тогда пришлите ключ от сейфа.

— У меня нет ключа. Ключ у него.

Я закрыла глаза. У него это у Максима. Значит, нужные бумаги лежат в его комнате на втором этаже или в его съемной квартире за рекой, куда он еще не переехал.

— Хорошо, — сказала я. — Я спрошу у него сама.

— Не спрашивай.

— Зоя Тарасовна, я должна вернуть долг. Мне нужен документ.

— Он привезет.

— Когда?

— Он обещал.

— Я не жду обещаний. Я жду бумагу.

Я положила трубку и посмотрела на договор подрядчика, который лежал передо мной. Цифры были честные, ниже моих расчетов, но я не могла ими воспользоваться, пока не разобралась с долгом. Если я подпишу смету и тут же попрошу у Максима документы, это будет выглядеть так, будто я принимаю его правила игры. Если не подпишу, ремонт задержится на неделю.

Стук в дверь прозвучал снова, на этот раз тихий, почти виноватый.

— Открыто, — сказала я.

В дверях стояла Ольга Леонидовна в мокром плаще. Она стряхнула капли с плеч и оглядела кухню.

— Мне позвонили из муниципалитета. Комиссия переносится на послезавтра, но требуют, чтобы на встрече присутствовали оба собственника.

— Я буду.

— И Максим.

— Я ему передам.

Ольга Леонидовна положила на стол тонкую папку.

— Это ответ на запрос по охранному статусу. Дом стоит на учете как элемент исторической среды. Любые работы по фасаду и кровле требуют согласования.

— Я знаю.

— Значит, знаешь и то, что подписанный акт аварийности выводит дом из-под охраны. Если они успеют до заявки, статус снимается автоматически.

Я открыла папку. На первой странице стояла дата сегодняшнее число. На второй подпись Кротовой. На третьей отказ в регистрации заявки без подписи обоих собственников.

— Мне нужна его подпись, — сказала я.

— Именно.

— Он подпишет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я его об этом попрошу.

Ольга Леонидовна посмотрела на меня долгим взглядом, который я не выдержала и отвернулась к окну. За стеклом все так же стучал дождь, но внизу, у калитки, стоял знакомый силуэт.

Максим не уехал. Он стоял под навесом и смотрел на наши окна. Увидев, что я заметила, он поднял руку. Не помахал, просто поднял и опустил.

Я подошла к двери и открыла.

— Ты передумал уезжать?

— Нет. Привез документы. Зоя Тарасовна позвонила.

Он протянул мне тонкую папку. Я взяла, не касаясь его пальцев, и открыла. Внутри лежали банковская справка, договор уступки и акт приема-передачи. На каждом документе стояла его подпись.

— Я должна тебе миллион двести.

— Я знаю.

— Я верну за три месяца. Без процентов.

— Хорошо.

Он не стал входить. Стоял на пороге, в мокрой куртке, и ждал.

— Послезавтра, — сказала я. — Комиссия в муниципалитете. Нужна твоя подпись под заявкой на охранный статус.

— Я подпишу.

— Без условий?

— Без.

Он кивнул и шагнул назад, в дождь. Дверь осталась открытой. Я смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол, и только тогда закрыла замок и вернулась к столу.

Ольга Леонидовна допила кофе и застегнула плащ.

— В пятницу я подаю заявление и копию заявления о подделке акта. Параллельно. Тебе нужно завтра до девяти утра подписать объяснение в полицию. Без объяснения они не откроют проверку по печати.

— Я приеду к восьми в отделение, — ответила я. — Сама.

— Без Максима?

— Без Максима.

Ольга Леонидовна впервые за утро посмотрела на меня прямо, и я прочла в ее взгляде то, что она не сказала вслух: ты делаешь правильно, но я знаю, как закончится этот разговор, если он узнает, что ты ходила в полицию без него.

Тимур Валентинович кашлянул и подвинул ко мне тонкую распечатку.

— Соседи. Я обзвонил пятерых. Трое против сноса, двое за новую стройку и парковку. У Свириной на втором этаже сын болен, ей нужны деньги на лечение, поэтому она за. У Кудрина на первом долги по коммуналке, он готов продать за любую цену. Остальных я еще не успел.

— Кто готов подписать против?

— Нина на третьем этаже, Галя с пятого и я. Нам нужно семь голосов, чтобы заблокировать стройку. У нас пока три.

Я забрала распечатку и положила рядом с папкой Тимура. Три голоса из семи это меньше половины. Я достала из сумки тетрадь тети и раскрыла на странице с адресами соседей. Зоя Тарасовна вела эту тетрадь двадцать лет, и почерк был такой ровный, что я иногда забывала, что это писала живая женщина, а не машина. Рядом с адресами стояли пометки: вдова, трое детей; пьет; врач, не любит шум.

— Тетя знала каждого, — сказала я вслух. — Если бы она была жива, у нас было бы не три голоса.

— Зоя Тарасовна знала, — ответил Тимур Валентинович. — Я позвоню ей сегодня вечером. Она в области, но телефон берет.

— Не надо ей звонить, — сказала я быстрее, чем хотела. — Я сама.

Он посмотрел на меня с тем старческим недоверием, которое я уже научилась не принимать на свой счет. Для него я оставалась девочкой, которая уехала семь лет назад и не приезжала даже на день рождения тети. Он не знал, что я каждую неделю отправляла Зое Тарасовне перевод на лекарства и писала письма, которые она не отвечала. Я тоже не знала, почему она не отвечала, пока не приехала на похороны.

— Хорошо, — сказал он. — Сама.

Я закрыла тетрадь. Ольга Леонидовна тем временем застегнула сумку и встала.

— Ты уверена, что хочешь платить за его половину? Это тысяча восемьсот, которые ты не обязана платить.

— Я не плачу за него, — ответила я. — Я плачу за дом. Чтобы не было повода отключить тепло в моей мастерской.

Она кивнула и вышла. Тимур Валентинович поднялся, аккуратно сложил копию учетной карточки в свою папку и тоже пошел к двери. У порога он обернулся.

— Подрядчика проверю сегодня. Позвоню.

— Позвоните.

Дверь закрылась. Я осталась одна на кухне, где пахло кофе, мокрой шерстью и чужими сигаретами, которые принес с собой Тимур Валентинович. Я открыла окно. Моросящий дождь летел в лицо, холодный и мелкий, и я глубоко вдохнула, чтобы выровнять пульс. Потом взяла телефон, набрала номер управляющей компании и попросила подготовить две квитанции на мою половину и на вторую. Оператор уточнила, на каком основании я плачу за чужую долю. Я ответила, что на основании нотариального соглашения о порядке пользования и собственного желания сохранить тепло в несущих стенах. Она замолчала на секунду и сказала, что готовит.

Через двадцать минут я вышла из дома, заперла свою дверь и спрятала ключ с биркой «мастерская» во внутренний карман куртки. Дверь его половины была приоткрыта. Я не стала ее закрывать. Если он вернется и увидит, что я закрыла его дверь своим ключом, это будет хуже, чем открытая дверь. Пусть сам решает.

У подъезда стоял Максим без пакета, без коробки, без ключа. Он смотрел на окно второго этажа.

— Замок подошел? — спросил он.

— Подошел.

— Я уезжаю. Схему проводки передам в восемь у ворот.

— Хорошо.

— И больше не буду приходить без звонка.

Я поставила чашку в раковину, протерла руки полотенцем и спустилась в котельную. Батарея все еще была теплой, но ровно посередине трубы тянулась тонкая белесая полоса,

будто кто-то прошелся наждаком. Я приложила палец, кожа зашипела от холода металла, и я поняла: это не конденсат. Это след от инструмента.

Я замерла, прислушиваясь к дому. Сверху не доносилось ни шагов, ни скрипа. Максим уехал, и в этом была своя жестокость — я стояла одна в подвале, где еще пахло его руками, и не могла позвать его обратно, чтобы спросить, что он делал здесь ночью.

Я открыла ящик у стены, вытащила рулетку и телефон с фонариком. Присела на корточки, сфотографировала царапину с линейкой. Семнадцать миллиметров длина, полтора ширина, металл вокруг чуть посинел от недавнего касания. Я отправила фото Ольге Леонидовне с короткой подписью: «Царапина на пломбе. Свежая. Похоже на отмычку».

Телефон завибрировал через минуту.

— Это не отмычка, — пришло сообщение от адвоката. — Слишком грубо. Это слесарный ключ. Кто-то пытался сорвать пломбу снаружи, но не довел до конца. Борисов мог поставить такую, если знал, что труба на профилактике.

Я перечитала дважды. Борисов был мертв, но пломба была его. Значит, ее поставили задним числом, когда уже знали, что Борисова не спросят. Я выключила фонарик и пошла наверх.

В прихожей пахло мокрым деревом и остывшим кофе. Я надела куртку, сунула ключи в карман и вышла на крыльцо. Дождь перешел в мелкую крупу, и она тут же таяла на ступенях. У соседнего подъезда стоял Марья Степанова с бидоном, я подошла.

— Марья Степановна, можно вас на минуту?

Она посмотрела на меня поверх бидона, как на чужую, потом кивнула.

— Я нашла царапину на пломбе газового крана. Свежую. Похоже, кто-то пытался сорвать пломбу снаружи, но не смог. Борисов мертв, но пломба стоит его. Это значит, что ее поставили те, кто знал, что труба на профилактике, и хотели, чтобы дом признали аварийным.

Марья Степанова поставила бидон на ступень, посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Ты думаешь, это Стройинвест?

— Я думаю, что у них был мотив. И у меня есть фотография с линейкой. Завтра утром я отвезу ее в полицию вместе с заявлением.

Марья Степанова помолчала, потом сказала:

— Зинаида Петровна уехала к дочери вчера вечером. Вернется в понедельник. Ее муж сегодня дежурит в управляющей компании, так что ключ от подвала, если что, у него.

Я кивнула.

— Спасибо. Если увидите кого у дома ночью — звоните мне. Не участковому, мне.

— У меня нет твоего номера.

Я продиктовала, она записала огрызком карандаша на бидоне.

Я вернулась в мастерскую, зажгла настольную лампу и разложила на столе документы. Копия договора уступки, выписка ЕГРН, протокол собрания, фотография пломбы с линейкой. Я написала заявление в полицию от руки, четким почерком: «Прошу провести проверку по факту повреждения пломбы газового оборудования в доме по набережной, 14. Пломба установлена инженером Борисовым, умершим в 2022 году. Повреждение обнаружено сегодня в 22:40, имеет признаки свежего вмешательства. К заявлению прилагаю фотографию с линейкой».

Подпись, дата, время. Я положила заявление в файл и убрала в сумку.

Телефон снова завибрировал. Номер был незнакомый, я сняла трубку.

— Елизавета Андреевна? Это Никита. Никита Дорохов. Извините, что поздно. Я сегодня заехал на бывшую работу, забрал свои вещи, и там в коридоре встретил Дарью Никонову. Она разговаривала по телефону и не видела меня. Я слышал, как она сказала: «Если они не подписут до понедельника, активируем второй вариант». Потом она сказала адрес. Ваш адрес.

Я села на стул, потому что ноги вдруг стали ватными.

— Какой второй вариант?

— Не знаю. Я вышел, она меня заметила, мы поговорили о пустяках, и я уехал. Но я записал время — 21:15. Если что, я готов дать показания.

— Спасибо, Никита. Запишите время и адрес, я завтра включу это в заявление. И если вспомните что-то еще — звоните в любое время.

— Елизавета Андреевна, я... Я знаю, что поступил плохо. Я тогда взял деньги за то, что не проверил подпись. Но сейчас я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

— Вы уже не поступаете плохо. Идите спать.

Я положила трубку и посмотрела в окно. За стеклом было темно, только фонарь у ворот бросал желтый круг на мокрый асфальт. Я достала тетрадь тети, открыла на чистой странице и написала: «Никита Дорохов готов дать показания. Второй вариант Дарьи. Понедельник — крайний срок. Нужно успеть».

Потом я поднялась, прошла в ванную, умылась холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. Под глазами легли тени, на скуле алела ссадина от утреннего ключа. Я достала из аптечки пластырь, заклеила ранку и вернулась в мастерскую.

Часы показывали половину двенадцатого. Я накинула куртку, взяла сумку с документами и ключ с биркой «мастерская». Решила спуститься к Зинаиде Петровне — не для подписи, просто узнать, правда ли она уехала. Но на полпути к лестнице передумала. Если я начну ходить по чужим квартирам в полночь, это будет выглядеть как отчаяние. А отчаяние — это то, чего ждет Дарья.

Я вернулась в мастерскую, заперла дверь изнутри на ключ и легла на раскладушку. Спать не хотелось. Я лежала и слушала, как за стеной возится мышь, как капает кран в углу, как где-то на втором этаже тихо скрипит половица. Этот дом жил своей жизнью, и в этой жизни мне больше не было места как жене. Но было место как собственнику, и это было важнее.

В четыре утра я проснулась от того, что в замке повернулся ключ. Я замерла, прислушиваясь. Замок щелкнул, дверь открылась на петлях, и в мастерскую вошла женская фигура в темном плаще. Я узнала Зинаиду Петровну по запаху сирени и по тому, как она тяжело дышала, поднимаясь по лестнице.

— Зинаида Петровна?

— Не спишь? — она остановилась посреди комнаты. — Я думала, ты спишь. Я пришла отдать тебе ключ от подвала. Муж нашел его утром в кармане, хотел отвезти в управляющую компанию, но я забрала. Вот.

Она протянула мне ключ на проволочном кольце. Я взяла его, и кольцо холодом обожгло ладонь.

— Спасибо. А вы почему не уехали к дочери?

— Уехала. Вернулась. Муж сегодня дежурит, я не хочу, чтобы он сюда ехал. Я поговорила с соседями. Они мне рассказали про пломбу. И про то, что ты отказалась подписать акт у Кротовой. Зинаида Петровна, я знаю, что вы не хотите портить отношения с мужем. Но если вы не подпишете против сноса, нас не будет семь голосов. А если будет семь, мы сможем заблокировать стройку.

— Я не могу подписать, — она сказала это тихо, но твердо. — Муж узнает, у него будут неприятности. Он не виноват, что его туда взяли.

— Я не прошу вас портить отношения с мужем. Я прошу вас сохранить дом. Если дом снесут, у вашего мужа работы не будет вообще. Управляющая компания уйдет вместе со стройкой.

Она молчала долго, я слышала, как за стеной наверху кто-то ходит. Потом она сказала:

— Я подпишу. Но не сегодня. Завтра в девять утра приду к Тимуру и распишусь. Только никому не говори, что я была здесь ночью.

— Хорошо.

Она ушла так же тихо, как пришла. Я закрыла дверь, повернула ключ и вернулась к раскладушке. В голове крутилась одна мысль: если Зинаида Петровна подпишет, у нас будет восемь голосов. Это больше, чем семь. Это значит, что мы можем не просто заблокировать снос, а поставить вопрос о ремонте кровли за счет муниципалитета.

Я достала тетрадь тети, открыла на странице, где была запись «Раздел комнат — не развод. Развод — когда перестают говорить», и ниже дописала: «Зинаида Петровна подпишет утром. Восемь голосов. Нужно успеть подать протокол до понедельника. Позвонить Ольге Леонидовне в восемь. Не забыть про чай».

Я поставила будильник на семь, положила телефон под подушку и закрыла глаза. За стеной мышь возилась по-прежнему, но теперь это звучало не как тревога, а как обычная жизнь, которая продолжается вопреки всему.

— Не приходи.

Он кивнул и ушел в дождь. Я поднялась к себе, положила ключ от его половины в ящик стола рядом со своим ключом с биркой «мастерская», открыла тетрадь тети и записала: «Получила документы. Заявка послезавтра. Подпись Максима без условий. Ужин без приглашения. Купить нормальный чай и выпить его завтра одной».

Я заварила кофе и пила его у окна, пока за стеклом не стемнело. Ключ от его половины лежал в ящике рядом с моим. Завтра будет новый день.

Глава 5. Предложение девелопера

Молоток скользнул, и я прижала палец к губам, чтобы не выругаться вслух. Петля на двери мастерской держалась на честном слове и ржавой полоске металла, а у меня в кармане лежали три новых самореза и чужое письмо, которое я не успела спрятать. Зоя Тарасовна передала его через Тимура Валентиновича, пока я возилась с лестницей, и я засунула конверт под газету на верстаке, не глядя на подпись. Потом глянула. Подпись была не Зои. Тонкий женский почерк, вытянутые буквы, в самом низу - "С уважением, К." Без имени. Без обратного адреса. Только улица и номер квартиры в новом доме за мостом.

Я убрала молоток и закрыла дверь на щеколду. Руки у меня были холодные, палец саднил, и я машинально облизнула ссадину, тут же сплюнув в сторону - привычка, которая осталась с детства, когда тетя запрещала лизать раны и я делала это назло. Конверт лежал под газетой, как чужой зуб в моей чашке. Не тронуть - и он все равно мешает. Тронуть - и придется признать, что меня это задевает.

Тихий стук в окно. Тимур Валентинович не стал заходить, просунул в форточку сложенный вчетверо лист и постучал костяшкой по раме, подзывая. Я подошла, взяла бумагу. Он кивнул на угол, где подпись, и сказал негромко:

- От соседки сверху. Принесла в семь утра. Спрашивала, дома ли ты.

Я развернула лист. Коротко, по-деловому: "Уважаемая Елизавета Андреевна, я продала свою долю в доме по набережной компании "Стройинвест" две недели назад. Если вы не в курсе, теперь у них две двенадцатых собрания. Прошу считать это моим официальным уведомлением. С уважением, К." К. - это Карина Маркова, вдова инженера, тихая женщина с третьего этажа, у которой кот ходил по моему подоконнику как к себе домой. Я приносила ей молоко, когда она болела. Мы пили чай на ее кухне три года назад, и она жаловалась на шум лифта в новой квартире сына.

- Она сама приходила? - спросила я Тимура.

- Сама. В тапочках, с ключом. Сказала, что не хочет, но деньги нужны были на операцию. Я записал, - он подвинул мне вторую бумажку, свою, с датой и временем. - Подпись ее, я видел. Если хочешь, дам как свидетеля.

Я сложила оба листка и убрала в карман, под конверт. Теперь у Дарьи Никоновой было две двенадцатых собрания. Не считая тех, кого она уже уговорила. Три против двух, которые у нас были утром, превращались в пять против двух за снос. Семь голосов из двенадцати нужно было собрать нам, чтобы заблокировать стройку. Оставалось пятеро. Двое - Тимур и Аня Соколова. Еще трое, которых я не знала по имени, жили на втором этаже и в мансарде, и их я видела только на лестнице.

- Где сейчас Максим? - спросила я.

- У себя. С утра возится с трубой в ванной, - Тимур усмехнулся. - Я ему сказал про письмо. Он велел передать тебе ключ от подвала, если понадобится.

Я кивнула, поблагодарила и закрыла окно. Ключ от подвала мне был не нужен - у меня был свой, на проволочном кольце, от тети. Но сам жест я записала себе на полях блокнота: Максим уже знает про продажу доли, и он не побежал ко мне объяснять, а починил трубу и передал ключ через третьи руки. Привычка. Когда-то я за нее вышла замуж.

В мастерской пахло стружкой, остывшим кофе и машинным маслом. Я подвинула к себе чертеж, над которым работала утром, - план первого этажа с разметкой мастерских, - и пересчитала площади. Если двенадцатую долю собрания мы проиграем, дом пойдет под снос, и весь мой план станет макулатурой. Если выиграем, у меня будет время дотянуть до комиссии. Семь голосов. Пятеро незнакомых людей, которым я должна объяснить за два дня, почему старый дом лучше нового паркинга.

Я взяла телефон и набрала Ольгу Леонидовну. Гудок, второй, третий.

- Лиза, - сказала она вместо приветствия. - Я знаю про Маркову. Она переоформила долю позавчера, я проверила по реестру. У Дарьи теперь блокирующий пакет.

- Значит, нам нужно семь голосов из оставшихся семи. Иначе любое решение собрания они продают простым большинством.

- Именно. У тебя трое: Гранин, Соколова и ты. У Дарьи шестеро, если считать Маркову. Остальные двое - это Русакова с четвертого этажа и Гаврилов с мансарды. Муж и жена, тихие, сдают комнату студентам. Если они проголосуют против, у Дарьи будет пять против четырех. Если за - семь против трех, и мы проиграем.

- Когда ближайшее собрание?

- В субботу, в одиннадцать. В подъезде, как обычно. Дарья уже повесила объявление на доску.

Я повесила трубку. Суббота. Два дня. У меня есть два дня, чтобы найти двух людей, которые никогда не отвечают на звонки и не открывают дверь, и объяснить им, почему они должны проголосовать против денег, которые им предлагают прямо сейчас. Я открыла тетрадь тети и нашла нужную страницу: "Русакова Нина Павловна, кв. 6. Муж - Геннадий. Дочка - Аленка, в музыкалку ходит. Если будут стучать - не открывай, она после инфаркта." Потом, ниже, другим почерком, уже моим, три года назад: "Гаврилов Леонид, мансарда. Работает в ночную, спит днем. Студенты - его основной доход. Если стройка - студентов выселят, и он останется без денег."

Я закрыла тетрадь и пошла к двери. Петля все еще держалась криво, но саморезы я вкручу позже. Сейчас у меня была конкретная задача: постучать в дверь к Русаковой и не дать ей поставить цепочку.

Лестница пахла сырой штукатуркой и подгоревшей кашей с верхнего этажа. Я поднялась на четвертый, придерживаясь за перила - перила были холодные, чужие, выкрашенные чьей-то нетвердой рукой в зеленый цвет поверх старой коричневой краски. На площадке стояла детская коляска, пристегнутая велозамком к батарее, и рядом - пара резиновых сапог, мужских и женских, разного размера. Русаковы. Дверь была обита коричневым дерматином, с потрескавшимся дерматиновым ромбом посередине, и звонок не работал - провод был перекушен, а концы замотаны изолентой.

Я постучала костяшкой. Тихо, как стучала тетя, когда приходила к соседям просить соль. Раз. Два. За дверью - молчание, потом осторожное шарканье, потом голос, женский, надтреснутый:

- Кто?

- Нина Павловна, это Елизавета Волкова, с первого этажа. Тетя Зинаида Петровна мне дом оставила. Помните, мы чай пили три года назад?

Тишина. Потом шелкнула цепочка. Дверь открылась ровно на ладонь - в проеме стояла женщина лет шестидесяти с коротко стриженными волосами и в домашнем халате, подпоясанном поясом от махрового полотенца. Лицо у нее было серое, под глазами лежали тени, но глаза живые, внимательные. Она смотрела на меня так, будто я была судебным приставом.

- Я не подпишу ничего, - сказала она заранее. - И денег не возьму. Геннадий на рынке будет только вечером.

- Я не про деньги, Нина Павловна. Я про собрание в субботу.

Она помолчала, потом отступила и кивнула, впуская меня в прихожую. В прихожей пахло лекарствами, настойкой валерианы и чем-то сладким - компотом из сухофруктов. На вешалке висела куртка мужа, линялая, с чужой пуговицей, пришитой ниткой другого цвета. На тумбочке лежала стопка квитанций и три рецепта, выписанные одним и тем же почерком.

- Вы знаете, что у нас теперь шесть голосов за снос? - спросила я прямо, не снимая куртки. - Карина Маркова продала долю "Стройинвесту". Если в субботу вы проголосуете за, дом пой-

дет под элитный комплекс, и вас расселят в новостройку на окраине. Без двора, без арки, без старой лестницы. Студентов Леонида из мансарды выселят в тот же месяц.

- Я знаю, - сказала она. - Ко мне уже приходили. Женщина в светлом пальто, с папкой. Очень вежливая. Предлагала компенсацию и однокомнатную квартиру для дочки.

- У вас есть дочка? - спросила я, хотя тетя писала про Аленку и музыкалку.

- Аленка. Двадцать три года, после института работает в библиотеке. У нее своя комната в нашей квартире, и она привыкла. В новой квартире такой комнаты не будет - только студия, как они говорят.

Она говорила ровно, без истерики, и я поняла, что передо мной не жертва, а человек, который уже все решил и просто ждал, чтобы кто-то пришел и сказал это вслух.

- Если вы проголосуете против, дом останется. Ремонт кровли мы возьмем на себя, я уже посчитала смету. Мастерская на первом этаже будет приносить доход, и часть пойдет на содержание подъезда. Вам обещают квартиру сейчас, а я обещаю двор через полгода.

Она посмотрела на меня долго, потом перевела взгляд на рецепты, потом снова на меня.

- А если комиссия решит, что дом аварийный?

- Не решит. У меня есть справка из муниципалитета - дом стоит на учете как объект исторической среды, и снос требует отдельного разрешения. Поддельный акт аварийности, по которому нас пытаются выселить, подписан мертвым инженером. Я подаю заявление в полицию завтра.

Она подошла к окну и отодвинула край тюлевой занавески. За окном был виден двор, арка и часть набережной. Она смотрела туда, и я не мешала ей смотреть.

- Геннадий скажет "нет", - произнесла она наконец. - Он в этом доме родился. Аленка скажет "нет". Я скажу "нет". Приходите в субботу, мы будем.

Я кивнула, достала из кармана блокнот и записала на чистой странице три фамилии, поставила время и дату собрания, вырвала листок и положила на тумбочку рядом с рецептами.

- Если что-то изменится - звоните. Телефон внизу страницы.

Она кивнула и закрыла дверь. Щелкнула цепочка. Я вышла на площадку и постояла секунду, привалившись к стене. Один голос был. Один.

На лестнице слышались шаги - тяжелые, медленные, шаркающие. Из-за поворота появился Максим в рабочих брюках и серой футболке, с разводом машинного масла на предплечье и связкой разводных ключей в руке. Он остановился в пролете, посмотрел на меня сверху вниз, потом на дверь Русаковых, потом снова на меня.

- Убедила? - спросил он негромко.

- Убедила. А что с трубой?

- Течет по стояку, заменил прокладку. До завтра хватит, потом надо менять весь участок от ванной до кухни. Я взял трубу у подрядчика, она на первом этаже в прихожей.

- Я оплачу свою половину.

Он не ответил, только кивнул и пошел дальше по лестнице, осторожно обходя меня по стене. Я посторонилась, прижалась к перилам. Он прошел близко, пахло холодной водой, машинным маслом и тем самым одеколоном, который я когда-то покупала ему на день рождения и который он носил три года подряд, потому что я подарила. От этого запаха у меня дрогнуло горло, и я отвернулась, делая вид, что разглядываю коляску Русаковых.

- У Гаврилова я буду через час, - сказала я ему в спину. - Если он вообще откроет. У меня к тебе просьба.

Он остановился, не оборачиваясь, и ждал. Я смотрела на его спину - широкие плечи, темная ткань футболки, натянувшаяся между лопатками - и злилась на себя за то, что все еще замечаю его плечи.

- Позвони ему сегодня вечером. Ты его знаешь, он тебе чинил котел в прошлом году. Скажи, что я приду не за подписью, а поговорить. Что я знаю про студентов и что без них он не вытянет аренду.

Максим чуть повернул голову, не до конца.

- Позвоню, - сказал он. - Только не обещаю, что он откроет. Он после смены ложится в шесть.

- Спасибо.

Он пошел вниз, и я слышала, как он остановился на площадке первого этажа, как открыл ключом дверь в подвал, как звякнул замок. Мне не нужно было туда идти. У меня был свой ключ на проволочном кольце. Но я знала, что он спустится в подвал, проверит трубы, проверит стыки, проверит, не течет ли где-то, и не скажет мне об этом до утра. Привычка. Когда-то я за нее вышла замуж. Сейчас я за нее не выйду ни за что.

Я спустилась к себе, заварила чай в жестяном чайнике с отбитой эмалью и села за чертеж. Чай был горький, заваренный слишком крепко, и я пила его маленькими глотками, пока не остыл. За окном начало темнеть, фонарь на набережной зажегся раньше обычного, и желтый свет лежал на подоконнике узкой полосой. Я пересчитала площади, проверила смету, отметила в блокноте: один голос есть, второй будет вечером, третий зависит от субботы. До собрания оставалось тридцать восемь часов.

В дверь постучали. Негромко, костяшкой, один раз. Так стучал только Тимур Валентинович. Я встала, пошла открывать. На пороге стоял не Тимур. На пороге стояла женщина лет сорока пяти в светлом пальто, с аккуратной папкой под мышкой и мягкой улыбкой на лице, от которой мне захотелось закрыть дверь, не дослушав первого слова. Женщина протянула мне визитку. На визитке было написано: "Дарья Никонова, девелопер. С удовольствием поговорим о вашем будущем". Я взяла визитку двумя пальцами и посмотрела ей в глаза.

- Здравствуйте, - сказала я. - Чаю хотите?

Я не успела сказать «да» — она уже вошла, аккуратно сняла туфли у порога и поставила папку на край стола, не дожидаясь приглашения. Двигалась так, будто бывала здесь раньше, и от этой уверенности у меня заныло под лопаткой. Я закрыла дверь, заперла на верхний крючок — привычка, выработанная за три дня соседства с бывшим мужем — и пошла к плите. Жестяной чайник уже остыл, но я снова налила воды, поставила на конфорку и достала вторую чашку. Ту самую, из которой когда-то поила его.

— Я вас слушаю, — сказала я, не поворачиваясь.

— Лиза, — голос у нее был мягкий, без нажима, — я знаю, что вы архитектор. Я видела ваш проект ванн в старом фонде, очень достойно. У меня к вам предложение, от которого, поверьте, трудно отказаться.

— Дарья, — я впервые назвала ее по имени, и она едва заметно дрогнула бровью, — предложение, от которого трудно отказаться, делает мальчик из боевика. Вы пришли сюда не чаю пить.

Она рассмеялась коротко, без зубов, потом открыла папку и достала лист с логотипом «Стройинвеста».

— Прямо, — сказала она. — Полтора миллиона за вашу долю. Квартира в новостройке на Петроградской, сорок восемь метров, с отделкой. Мужу — аналогично. Срок действия оферты — шестьдесят дней. Дом идет под снос, расселение в течение полугода.

— Под снос, — повторила я. — По какому основанию?

— Акт аварийности, подписанный в марте. Инженер Борисов, управляющая компания «Стройинвест-сервис». Печать, подпись, все как положено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.